

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94:316.334.3

Т. А. БЕЛОВА

Омская государственная
медицинская академия

ИЗУЧЕНИЕ БЮРОКРАТИИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье обозначены тенденции изучения феномена «бюрократия» зарубежными исследователями. Автор раскрыл вклад М. Вебера в понимание бюрократии, показав основные позиции теории бюрократии социолога, а также влияние взглядов М. Вебера на труды исследователей данной проблематики в XX в. В статье также отмечены схожие позиции М. Вебера и К. Маркса на проблему бюрократии.

Ключевые слова: бюрократия, государственное управление, исследователи, теория.

Понятие «бюрократия» уходит корнями в античный мир. В Древнем Риме грубая шерсть называлась «бюрра». Это слово было заимствовано французами — «бюр», превратившись затем в «бюро», как разновидность шерстяной ткани. В XVI веке этим словом обозначили стол, покрытый тканью, а в XVII веке начали называть кабинет, канцелярию, где стояли столы. В начале XVIII века возникло слово «бюролист», которым называли людей, работающих в бюро. А потом начали употреблять слово «бюрократия», означавшее власть бюро и бюролистов, канцелярии, чиновников.

Термин «бюрократия» впервые появился в середине XVIII в. благодаря французскому экономисту

Винсену де Гурнай [1, с. 77]. Он добавил к слову «бюро», что означало как учреждение, так и письменный стол, часть, происходящую от греческого глагола «управлять». «Бюрократия» (фр. bureau — бюро, канцелярия; греч. kratos — власть), таким образом, буквально означает власть чиновников. Вначале это слово применялось только по отношению к правительственным учреждениям, но постепенно его значение расширилось и теперь применяется к любым большим организациям.

В научный же оборот термин вошел благодаря трудам М. Вебера. При этом термин «бюрократия» приобрел у Вебера позитивный характер и относился к организации вообще. Основным источником,

в котором представлена теория бюрократии М. Вебера, служит, прежде всего, работа «Хозяйство и общество» [2], в которой описана система государственного управления Германии начала XX века.

Социолог разделял два типа бюрократии: патримониальную и рациональную. Термин патримониализм был заимствован из Древнего Рима, где он буквально означал «личная казна императора». Патримониальную бюрократию характеризуют недостаточное развитие рациональных черт и личностный характер отношений власти в управленческих структурах. Основу власти патримониальной бюрократии образует, прежде всего, присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и материальных благ. Вместе с тем предельное развитие тенденции к присвоению средств управления чиновниками приводит к распаду бюрократических структур. При этом патримониальная бюрократия трансформируется в господство «сословного» типа, которое уже не является бюрократическим.

Согласно М. Веберу, лишь в странах Запада в результате рационализации процесса управления складывается иной характер отношений между патримониальным монархом и чиновниками. Бюрократический аппарат западного абсолютистского государства приобретает власть не в результате децентрализации политического режима, а благодаря наличию у чиновников специальных знаний и навыков. В странах Запада впервые происходит переход от патримониального управления к бюрократии современного типа. Таким образом, патримониальная бюрократия рассматривается как регрессивный элемент общества.

Второй тип бюрократической организации М. Вебера представлен идеальной моделью рациональной бюрократии. Идеальный тип — это абстрактное описание, в котором усиливаются некоторые черты, присущие реальным случаям. Основными характеристиками рациональной бюрократии являются следующие показатели:

- 1) подчиняются только объективным служебным обязанностям;
- 2) определены на службу (а не выбраны) в неизменной чиновничьей иерархии;
- 3) имеют постоянные служебные компетенции;
- 4) работают по контракту, т.е. на основе свободного отбора по
- 5) профессиональной квалификации, в наиболее рациональном случае — определенной с помощью экзамена, удостоверенной дипломом;
- 6) оплачиваются постоянным денежным содержанием;
- 7) считают свою службу единственной или главной профессией;
- 8) усматривают для себя карьеру: «продвижение» по сроку службы или по успехам в работе;
- 9) работают в полном «отчуждении от средств управления» и без присвоения рабочего места;
- 10) подчиняются строгой единообразной служебной дисциплине и контролю» [2].

Таким образом, в своем творчестве М. Вебер обратил внимание на то, что в бюрократических организациях возможна предельная рационализация деятельности, т. е. четкое разделение функций, иерархическая система отношений и контроль за деятельностью чиновника, подчинение работы формальным правилам, возможность осуществлять профессиональный отбор претендентов на государственную службу и т. п. М. Вебер связывал становление бюрократии с процессом рационализации

и рассматривал её как наиболее рациональную и эффективную форму достижения управленческих целей, основанную на легально-рациональном типе легитимности (господства). «Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего беспристрастно... *Sine ira et studio* — без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, ...чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — бороться» [3, с. 666].

Таким образом, бюрократия (рациональная) характеризуется М. Вебером чисто теоретически — как идеальный тип, имеющий характер «модели», с которой должна затем сравниваться действительность. Однако, согласно справедливому замечанию современного отечественного исследователя творчества М. Вебера М. В. Масловского, «...идеально-типическая модель рациональной бюрократии... представляет собой лишь один из элементов более общей теории бюрократии, разработанной немецким социологом. Только в 70-е годы, с началом «веберовского ренессанса» ряд западных авторов начинает придавать большее значение тем аспектам социологии бюрократии Вебера, которые до той поры находились в тени. Речь в данном случае идет, прежде всего, о понятии патримониальной бюрократии, Постепенно в западной социологии получает распространение точка зрения, что веберовская теория бюрократии должна рассматриваться во взаимосвязи всех образующих ее элементов» [4].

В целом, теория бюрократии Макса Вебера оказала огромное влияние на развитие социологии в XX веке. Эта теория положила начало целому ряду социологической науки — социологии организаций. Многие ученые, приступившие в середине XX века к изучению формальных организаций, опирались на веберовскую модель бюрократии при проведении собственных исследований.

Отметим, что точка зрения М. Вебера во многом смыкается с марксистским подходом к проблеме бюрократии. Как К. Маркс, так и М. Вебер рассматривают бюрократию как группу, осуществляющую функцию управления и тесно связанную с правящим классом общества. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что марксистская теория не рассматривает бюрократию как самостоятельную социальную силу. Согласно Марксу, бюрократия, которая сама не является классом, исполняет функцию подчинения эксплуатируемого класса господствующему. В капиталистическом обществе бюрократия лишь обслуживает интересы правящего класса — буржуазии. Хотя в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс указал на то, что государственный аппарат может выступать в качестве самостоятельной силы, такая ситуация являлась ответом на острый кризис и неизбежно должна была носить временный характер [5].

Категория бюрократия в рамках марксистской историографии является исторической и проходит в своем развитии ряд этапов. С точки зрения К. Маркса, ее окончательное превращение в прослойку капиталистического общества происходит после победы буржуазной революции, которая ликвидирует «прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии» и прочий «средневековый хлам». Тем самым она расчищает почву «для той надстройки, которой является здание современного государства» [6, с. 339].

Таким образом, К. Маркс делает основной акцент на классовом характере господства буржуазии, в подчинении у которой находится бюрократия, а для Вебера центральное значение имеет управленческая функция бюрократического аппарата, хотя он рассматривает также и связь этого аппарата с интересами правящего класса.

Развитие теорий бюрократии в послевеберовский период связано с постепенным отходом от «рациональной» модели бюрократии и переходом к построению более реалистичной модели, рассматривающей бюрократию как «естественную систему», включающую наряду с рациональными моментами — иррациональные, рядом с формальными — неформальные, вместе с эмоционально нейтральными — личностные и т. д.

В частности, социолог П. М. Блау [7] считал, что власть на основе положения в иерархии и профессионального знания противоречат друг другу. Подчинение специалисту связано с признанием его социального и профессионального статуса и потому добровольно. Власть бюрократа базируется на праве приказа, и поэтому подчинение ему не является добровольным. Таким образом, вывод таков: профессионал и бюрократ — это различные фигуры в организациях и противоположные основания власти. С. Кальберг полагает, что в тех случаях, когда разрыв между идеальным типом и реальностью слишком велик, Вебер разрабатывал промежуточные идеальные типы, одним из которых, например, выступает патримониальная бюрократия [8, с. 88–89]. Д. Битэм считает, что в теории Вебера существует следующее противоречие: термины «легальный» и «рациональный» — различны, хотя частично эти понятия совпадают в работах М. Вебера. Бюрократический аппарат — лишь одна из возможных форм осуществления легальной власти, так как управление может находиться, например, в руках коллегиальных органов. Но бюрократия может использоваться не только в условиях правового государства, считает социолог Д. Битэм [9].

Взгляды М. Вебера подверглись критике и представителями структурно-функционального направления в социологии, которое заявляет о взаимозависимости каждого элемента какой-либо системы. Немалый вклад в понимание бюрократии в рамках данного направления внес Р. Мертон. Основными понятиями теории структурного функционализма Мертона являются «функция» и «дисфункция». Функциями для Мертона являются наблюдаемые следствия, которые служат саморегуляцией данной системы или приспособлению её к среде; а дисфункции — те наблюдаемые следствия, которые ослабляют саморегуляцию данной системы или её приспособление к среде. Свои взгляды на понимание бюрократии Роберт Мертон изложил в статье «Бюрократическая структура и личность» [10, с. 323–337.]. Социолог применил к анализу бюрократии понятие дисфункции. С точки зрения Р. Мертона, дисфункцией бюрократии будет, например, перенос функционерами бюрократии акцента с целей организации на ее средства, в результате чего средства (иерархизация власти, строгая дисциплина, неукоснительное следование правилам, инструкциям и т. д.) превращаются в самоцель. Сюда же относится возникновение наряду с рациональными иррациональных целей внутри бюрократических организации, замещение главных целей — побочными и т. д. Таким образом, взгляды Р. Мертона позволили переосмыслить научные

подходы к изучению бюрократии. В частности, появился системный подход изучения бюрократии, в рамках которого стало возможным изучение как воздействия окружающей среды на бюрократию, так и бюрократии на окружение.

Исследования повседневной работы французских государственных учреждений как социальных систем позволили современному французскому социологу М. Крозье пойти дальше результатов, полученных в классических трудах Р. Мертона, рассматривавшего бюрократию как дисфункциональную организацию. С точки зрения М. Крозье, бюрократизация является самоподдерживающимся процессом, представляющим собой своего рода порочный круг. Чем в большей мере организация становится централизованной, стратифицированной и использующей обезличенные правила, тем чаще она использует эти свои качества для решения ими же порождаемых проблем. Бюрократия является социальной системой, не способной исправлять свои ошибки. Она не обучается и самостоятельно не адаптируется к изменяющимся внешним условиям за исключением ситуаций, сопровождающихся глобальными потрясениями. Бюрократия функционирует как система, создающая внутренние преиущества для своих членов, включая и находящиеся на нижних уровнях, несмотря на то что она строго регламентирует их поведение и не всегда действует безошибочно [11].

В критике функционализма американский ученый Г. А. Саймон пошел еще дальше, он подверг сомнению само основание функционального подхода — методологию рационального выбора: «...с помощью доводов о функциональности можно лишь заключить, что определенные характеристики (удовлетворение конкретных функциональных требований определенным образом) не противоречат выживанию и дальнейшему развитию системы, но это не значит, что эти требования не могут быть удовлетворены каким-либо иным способом» [12, с. 20].

Итак, по справедливому замечанию современного отечественного исследователя бюрократии Г. В. Пушкаревой, «появлению современных научных представлений о государственной бюрократии предшествовало, во-первых, утверждение в сознании принципа разделения политической и бюрократической деятельности, понимание необходимости профессионализации управленческого труда; во-вторых, выявление специфических особенностей собственно бюрократии и как особого способа организации совместной деятельности, и как особой социальной группы. Государственная бюрократия обрела осязаемые формы, она могла рассматриваться как самостоятельный объект научного исследования. Интенсивное развитие теории организаций расширило методологический фундамент концептуальных обобщений и изысканий» [1, с. 79–80]. Отметим, что решающее значение в разработке теорий бюрократии внес, конечно же, Макс Вебер.

Библиографический список

1. Пушкарева, Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования / Г. В. Пушкарева // *Общественные науки и современность*. — 1997. — № 5. — С. 77–86.
2. Блау, П. Исследования формальных организаций / П. Блау // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. — М.: Прогресс, 1972. — 392 с.
3. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

4. Масловский, М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология [Электронный ресурс]. — URL: http://mmedia0.cc.rsu.ru/www/umr.umr_download?p_umr_id=43030 (дата обращения: 03.01.2012).

5. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 39 т. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1957. — Т. 8. — С. 115–217.

6. Маркс, К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих // К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 39 т. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1960. — Т. 17. — С. 317–370.

7. Вебер, М. Хозяйство и общество [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.stepanenkova.ru/page175/page182/page184/index.html> (дата обращения: 18.08.2011).

8. Кальберг, С. Сравнительно-историческая социология Макса Вебера / С. Кальберг. — Кембридж: Polity Press, 1994.

9. Битэм, Д. Бюрократия [Электронный ресурс] / Д. Битэм // Социологический журнал. — 1997. — № 4. — URL:

<http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4beetha.htm> (дата обращения: 04.11.2013).

10. Мертон, Р. Бюрократическая структура и личность / Р. Мертон // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 880 с.

11. Крозье, М. Бюрократический феномен / М. Крозье // Лапин, Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе: учеб. пособие. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — С. 220–235.

12. Саймон, Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. А. Саймон // Thesis. — 1993. — Вып. 3.

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой истории Отечества и экономики.

Адрес для переписки: belova.ta@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 07.11.2013 г.

© Т. А. Белова

УДК 329(093)(571.1)

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

ФОНДЫ АРХИВОВ, СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ, СПРАВОЧНИКИ И РЕСУРСЫ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК НОСИТЕЛИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ. 1993—2013 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ, ОМСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

В статье обоснована точка зрения автора о том, что фонды архивов, сборники документов, справочники и ресурсы сети Интернет являются не источником, содержащим материалы по истории, а носителем исторического источника, местом его постоянного или временного хранения. Особое значение данный подход имеет для изучения новейшей политической истории.

Ключевые слова: политическая история; фонды архивов; справочники; информационные вестники; Новосибирская, Омская, Томская области.

Проблемы становления и развития политических партий во время горбачевской перестройки и посткоммунистический период российской истории остаются одними из наименее изученных в научном контексте тем. Одной из называемых причин сложившейся ситуации является слабость и незначительность данного объекта исследования, с другой стороны, речь идёт о недостаточном количестве документов и материалов, связанных с явлением многопартийности и так называемым «партстроительством».

Речь зачастую идёт о документах и материалах, попавших в фонды государственных, реже — муниципальных

архивов. Практически не удаётся привлечь в научный оборот фонды различного рода аналитических центров, с одной стороны, не спешащих предоставить историкам-исследователям материалы о деятельности тех или иных субъектов общественно-политической жизни, с другой — мы имеем прецеденты отторжения данных материалов научным сообществом.

Автор указанной статьи с 90-х гг. прошлого века участвовал в формировании архивных фондов по современной (текущей) политической истории Омского региона, являясь образователем Фонда 9618 Центра документации новейшей истории Омской области

(ЦДННОО, сегодня составная часть Исторического архива Омской области). При этом следует отметить, что в фонд, насчитывающий 704 дела, включены материалы по ряду субъектов РФ, а также газеты прибалтийских «Народных фронтов», информации из Узбекистана и Казахстана.

Но наиболее важен другой момент. В различное время образователю фонда довелось заполучить материалы отдельных аналитических центров, интернет-материалы о состоянии региональных отделений политических партий, профсоюзов, малотиражные (в ряде случаев неформальные издания), неопубликованные материалы к биографиям региональных политических и общественных деятелей. Эти материалы сегодня описаны и, как следствие, могут быть введены в научный оборот.

Сравнительный анализ архивных фондов Томска и Новосибирска, проведённый соответственно между 1998–1999 и 2013 гг., позволяет отметить существенное расширение подборки материалов, связанных с новейшей (перестроечной и постперестроечной) историей в Томске, а в частности, в Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Там появились такие материалы по политическим партиям, как:

— Томское отделение партии Свободного труда, Ф. 5634, 1 ед. хр., 1990–1991 гг., оп. 1;

— Томская областная организация Всероссийского общественно-политического движения «Наш Дом — Россия», Ф. 5670, 150 ед. хр., 1995–2000 гг., оп. 1–2;

— Томское отделение общероссийской общественной организации Политическая партия «Демократический выбор России», Ф. 5754, 86 ед. хр., 1994–2001 гг., оп. 1–2;

— документы политических общественных организаций Томской области 1988–2001 гг. и Движения «Демократическая Россия», Ф. 5825, 276 ед. хр., 1988–2002 гг. Оп. № 1;

— Томское областное отделение Коммунистической партии РФ, Ф. 5674, 48 ед. хр., 1993–1996, 1998, 2002, 2006 гг.;

— Политической партии «Союз правых сил», Ф. 5859, 46 ед. хр., 1999–2004 гг.;

— Томское областное отделение Российского общественно-политического движения «Союз реаллистов», Ф. 5860, 21 ед. хр., 1996–2001 гг., оп. 1, 2.

Следует отметить, что в 1998 г. среди описанных организаций значились только:

— Союз детских организаций Томской области (СДО) (1991 —), 5638, 113 ед. хр., 1960–1994 гг., оп. 1;

— Колпашевский городской комитет Российского союза молодежи (РСМ) (1992–1993), Ф. 5637, 121 ед. хр., 1990–1993 гг., оп. 1–2.

Производит впечатление и имеет огромный интерес для исследователя коллекция неформальной и малотиражной печати, относящейся к политическим партиям, работавшим в области или пытающимся начать свою деятельность на её территории с распространения газеты. Ныне подборка хранится в фонде 5825.

Среди неописанных документов, связанных с партийной тематикой, числится Томская областная организация Российской Коммунистической рабочей партии, Ф. 5690, 38 ед. хр., 1990–1996 гг.

При этом следует отметить, что архивистами ведётся постоянная деятельность по вводу в оборот новых документов. Так, приятной неожиданностью стал факт описания фонда «Документы избирательных кампаний в Томской области конца XX — на-

чала XXI века», Ф. 5691, 212 ед. хр., 1989–2001 гг., оп. 1, который содержит значительный материал по деятельности политических партий в регионе.

В Новосибирске, в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), достоянием исследователей могут стать документы, освещающие в основном период горбачёвской перестройки, политический кризис конца 80-х — начала 90-х, вплоть до отстранения от власти КПСС и распада СССР.

Как следствие, можно предложить исследователю следующий список документов:

— Р-605 Историко-патриотические объединения «Память» и «Вече», 24 ед. хр., 1986–1992 гг.;

— Р-607 Сибирская правозащитная ассоциация «Вена-89», 51 ед. хр., 1988–1991 гг.;

— П-11970 Документы первых неформальных общественных объединений г. Новосибирска и г. Бердска в годы перестройки, 98 ед. хр., 1984–1991 гг.;

— П-11971 Документы первых политических организаций центристской ориентации в г. Новосибирске в годы перестройки, 32 ед. хр., 1989–1992 гг.;

— П-11972 Документы об организации сопротивления попытке государственного переворота (19–21 августа 1991 г.), 17 ед. хр., 1991 г.

Среди документов постсоветского периода интерес представляют:

— П-11973 Документы партий и движений «"радикальных" демократов», 65 ед. хр., 1990–1994 гг.;

— Ф-2140 Документы Представительства Президента РФ по Новосибирской области, 1994–1998 гг.;

— Р-603 Документы по организации и проведению выборов Главы администрации Новосибирской области, 360 ед. хр., 1995, 1999–2000 гг.

Нет оснований констатировать, что материалы по истории политических партий могут быть вычлнены из указанных фондов. Однако это не документы самих политических партий и их региональных организаций. В целом можно констатировать, что сбор и комплектование коллекций документов по современной (текущей) политической истории в Новосибирских архивах запаздывает и, как следствие, доступные для исследователя документы и материалы не вполне отражают роль и место столицы Сибири в развитии региональных политических процессов.

Сложившаяся ситуация во многом связана с длительностью времени обработки документов, попавших в государственные архивы. Время, необходимое архивистам, колеблется от 5 до 10 лет со дня поступления материалов на обработку.

Из имеющего место положения историками найдено как минимум два выхода.

Первым становится публикация документов и материалов в печатных СМИ или сборниках материалов и документов. Так, автор этих строк в период работы над докторской диссертацией в 1997–1998 гг. разместил на страницах омского еженедельника «Коммерческие вести» статьи и материалы по политической истории Западной Сибири. В 1999 и 2000 гг. совместно с С. А. Мордвинцевой (Величко) под грифом Омского государственного университета им были изданы две книги: «Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988–1995 (документы и материалы)» и «Общественно-политические организации Омского Прииртышья в конце XX века (документы и материалы)» общим объёмом 14 п. л. [1, 2].

Указанные публикации облегчили создание справочного аппарата последующих монографий и стали одним из примеров введения в научный оборот неопубликованной архивистами информации.

Вторым становится создание различного рода справочников (информационных вестников/бюллетеней/сборников). Необходимо отметить, что справочники появились едва ли не раньше общественных организаций и политических партий и их региональных организаций. Например, справочник Московского Народного Фронта «Самодельные общественные организации СССР», изданный в Москве с указанием года выпуска — 1988. Несмотря на указанную дату выпуска, в книге были представлены материалы, относящиеся к 1989 г. Вышедший в двух частях, справочник сразу же стал библиографической редкостью. В издании освещалась деятельность региональных организаций «Демократического Союза», уделялось внимание городским «Народным фронтам» РСФСР. Был упомянут в справочнике омский клуб «Диалог», а также имя первого неформала Омской области А. Ильина. Справочник удачно выделялся на фоне основной массы подобного вида работ попытками анализа состояния периферийных организаций [3].

С 1995 г. можно констатировать появление региональных справочников. Параллельно этот процесс шел в Новосибирске и Омске, где в указанное время увидел свет справочник «Партии и политические движения в Новосибирской области», составители Д. Т. Пучкин, Т. Ф. Ханов, и «Политические партии и движения Омска», авторы С. В. Новиков, А. А. Макаров.

В качестве издающих организаций соответственно выступили: «Региональный центр поддержки российской государственности» и омская областная организация общества «Знание» [4, 5]. В последующие с 1995 по 2012 гг. применительно к Новосибирску было издано ещё два справочных издания; применительно к Омску — шесть [6–13]. В Томске ни сборников документов, ни справочников по политическим партиям не издавалось.

Однако все указанные эпизодически появляющиеся справочники носят ряд недостатков, которые сложно игнорировать:

— в ряде случаев в них отсутствует историческая справка, а она при обозначенной периодичности необходима;

— с помощью предлагаемых справочников невозможно отследить эволюцию формирования партийной системы на региональном уровне, а между тем партийные организации зачастую строились из «материалов», оставшихся от ранее существующих организаций. Например, омская организация «Яблоко» из омской организации СДПР, а предшественником «Правого дела» являлась организация ДВР, в свою очередь появившаяся из рядов РПРФ;

— анализ данных работ не даёт возможности для изучения: динамики изменения численного состава партийных организаций, их представительства в исполнительных и законодательных органах власти, колебаний в политических ориентациях региональных общественных деятелей, вопросов присутствия той или иной организации в информационном пространстве региона.

При этом сложно переоценить вклад любых работ справочного характера в сбор, накопление и систематизацию данных о политической жизни региона. Необходимо отметить: справочники по политическим партиям и движениям имели бы большую ценность при ежегодном издании. Именно это условие сняло бы ранее указанные недостатки.

Отдельно следует упомянуть о таком сравнительно новом источнике, как интернет-сайты раз-

личного рода аналитических и общественных организаций. Думается, что целесообразно упомянуть те, которые разместили материалы, связанные с обозначенной в названии статьи темой и регионом.

Проект ИГПИ (Международного института гуманитарно-политических исследований): выпуски политического мониторинга. Выпуски политического мониторинга представляют хронологически (год, месяц) и географически (субъект РФ, государства бывшего СССР) очерченные информационные подборки, созданные преподавателями и студентами данного учебного заведения и сторонними организациями. Обычно в центре внимания оказываются крупные внутривнутриполитические события, экономические и социальные программы местного уровня либо политические скандалы, партии и движения, выборные процессы, визиты тех или иных персон и работа прессы. В подавляющем большинстве случаев материалы ресурса были снабжены таблицами, тематическими картами, выдержками из местной прессы, что значительно повышает его ценность для изучения 1990-х гг. Выпуски политического мониторинга производились с марта 1992 г. до января 2000 г.

Московский центр Карнеги. Интернет-ресурс Московского центра Карнеги был создан одновременно с его открытием, в 1994 г., хотя неоднократно менял «прописку». Он стал первым в регионе исследовательским учреждением подобного рода и масштаба, специализирующимся на общественно-политической проблематике. Тематический охват ресурса довольно велик, среди разделов мы можем видеть посвящённые Ближнему Востоку, Средней Азии. Есть там и политическая жизнь Западной Сибири. Сайт занят как своеобразный взгляд «с той стороны».

Информационно-исследовательский центр «Панорама». Существенным отличием данного интернет-ресурса является то, что его предтечей стала газета «Панорама» (номера которой доступны для скачивания с сайта), выпускающейся с апреля 1989 г. и охватывающей широкий круг политических вопросов, среди которых: формирование и работа политических блоков, компромат и антикомпромат на представителей власти и оппозиции, работа избирательных участков и изыски российского законодательства, а также многое другое.

Характеризуя интернет-ресурсы, следует отметить, что одной из проблем, стоящих перед научным сообществом и исследователями, является формирование отношения к сайтам сети Интернет, как носителям того или иного источника по текущей политической истории. Опыт последнего времени поставил исследователей перед необходимостью определения качества источника. Как следствие, один и тот же материал, попав в архивные фонды, благожелательно воспринимается научным сообществом как «исторический и архивный». Размещенный в сборнике документов и материалов, он вызывает фактом своей публикации интерес исследователей. Однако, попав на страницы газет, он даже в несокращённом виде является всего лишь «привлечением периодической печати», а находясь на официальном сайте государственных органов или политических партий, для ряда исследователей «попросту не имеет научной ценности».

В завершение следует отметить, что использование всех вышеперечисленных носителей источников по региональной политической истории делает её объективное отражение более возможным.

Библиографический список

1. Новиков, С. В. Общественно-политические организации Омского Прииртышья. 1988–1995 гг. (документы и материалы) / С. В. Новиков, С. А. Мордвинцева. — Омск : Литограф, 1999. — 112 с.
2. Новиков, С. В. Общественно-политические организации Омского Прииртышья в конце XX в. (документы и материалы) / С. В. Новиков, С. А. Величко. — Омск : ОмГТУ, 2000. — 105 с.
3. Самодеятельные общественные организации СССР. — М., 1988. — 78 с.
4. Партии и политические движения в Новосибирской области / Сост. Д. Т. Пучкин, Т. Ф. Ханов. — Новосибирск : Региональный центр поддержки российской государственности, 1995. — 14 с.
5. Новиков, С. В. Политические партии и движения Омска / С. В. Новиков, А. А. Макаров. — Омск : Знание, 1995. — 29 с.
6. Политические партии и движения в Новосибирской области. Справочник / Сост. Д. Т. Пучкин. — Новосибирск : б/и., 1997. — 61 с.
7. Новосибирск политический. Справочник / Авт. кол. под рук. В. И. Козодоя. — Новосибирск : ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2001. — 232 с.
8. Тетерина, Н. В. Информационный вестник. О политических партиях Омской области / Н. В. Тетерина. — Омск : РЦСО, 1998. — 30 с.

9. Тетерина, Н. В. Информационный вестник. О политических партиях Омской области / Н. В. Тетерина. — Омск : РЦСО, 1999. — 52 с.

10. Новиков, С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 г. / С. В. Новиков. — М. : ООО «ИПТК «Логос» ВОЗ», 1999. — 63 с.

11. Политическое пространство Омской области: Информационный бюллетень. — Омск : б/и., 2003. — 68 с.

12. Машкарин, М. И. Политическое пространство Омского Прииртышья: партийный аспект / М. И. Машкарин, В. К. Магда. — Омск : ГУ ОО РЦСО, 2007. — 104 с.

13. Политические партии в Омской области. 2013 год. Справочник / Отв. ред. И. В. Хлыстов. — Омск : Издатель ИП Е. В. Скорнякова, 2013. — 168 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2014 г.

© С. В. Новиков

УДК 947:353(571.1)

В. В. ГЕРМИЗЕВА

Омский государственный
технический университет

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1882—ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

В статье дана общая характеристика губернаторов Западной Сибири в 1882–1917 гг. Приведены данные об образовании, опыте административной деятельности и личных качествах начальников губерний.

Ключевые слова: губернатор, местное управление, Западная Сибирь.

Место и роль губернаторов в системе общегосударственной власти изучались еще в дореволюционный период. Эта проблема нашла отражение в работах А. Д. Градовского [1], Н. М. Коркунова [2], Б. Э. Нольде [3] и других. Историко-юридический очерк И. Блинова [4], вышедший в 1905 г., посвящен истории и значению института губернаторства в Российской империи. Тем не менее полномочия начальников губерний на окраинах Российской империи не стали предметом специального исследования дореволюционных авторов. Этой проблеме было уделено некоторое внимание лишь в рамках общих работ по истории и теории государственного управления России [5]. В целом, вопросы административного управления в Западной Сибири и деятельности губернаторов не привлекали заметного внимания дореволюционных авторов, а интересующие нас проблемы лишь отчасти освещались в общих работах по истории Сибири [6].

В советской историографии проблемы управления в дореволюционной России отражены очень слабо. Это в основном работы, в которых представ-

лены общие вопросы административного управления Российской империей или же ее отдельными регионами. Из трудов этого периода следует отметить монографию немецкого исследователя Э. Амбургера, посвященную проблеме государственного управления России XVIII—начала XX вв. [7].

Более систематическое изучение истории государственного управления началось в 70–80-е годы XX века. Появляются работы, рассматривающие структуру и функции центрального и местного управления, а также общие принципы организации государственной службы в дореволюционной России (исследования Н. П. Ерошкина, П. А. Зайончковского, П. Н. Зырянова и др.) [8].

В работе американского историка Р. Роббинса «Наместники царя» институт губернаторства характеризуется с позиции взаимоотношений начальника губернии с разными уровнями власти и общества. Используя формулярные списки губернаторов, автор систематизировал данные относительно образовательного уровня, имущественного положения губернаторов по состоянию на 1879, 1892, 1903, 1913 годы [9].

С начала 90-х годов XX века возросло внимание исследователей к проблемам организации и деятельности органов власти всех уровней, в том числе к истории институтов генерал-губернаторов и губернаторов в дореволюционной России (А. В. Ремнев, Б. Б. Дубенцов, С. В. Куликов, Е. А. Правилова и др.) [10].

В целом, за последние 20 лет значительно увеличился интерес ученых к истории губернаторской и генерал-губернаторской власти дореволюционной России, что во многом связано с административными изменениями в России. Исследователи обращают внимание на права и обязанности губернаторов, генерал-губернаторов, их образовательный уровень, сословное происхождение, личные качества, а также их значение в системе государственного управления Российской империи (Л. М. Лысенко [11], А. С. Минаков [12] и др.). Активизировалась работа по изучению административной политики самодержавия и деятельности администрации в Сибири. В работах И. П. Шихатова [13], В. А. Сергиенко [14] и др. исследуются личные судьбы губернаторов и генерал-губернаторов.

Среди исследований, посвященных жизни и деятельности представителей высшей администрации и истории чиновничества Западной Сибири следует отметить издание «Сибирские и тобольские губернаторы», в котором прослежены деятельность и личные судьбы начальников губерний [15]. Большой интерес представляет библиографический указатель «Томские губернаторы», содержащий биографические сведения, информацию об изданиях исследовательского и популярного характера, а также исторических источниках различной видовой принадлежности [16].

В 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, в результате Тобольская и Томская губернии переданы в непосредственное ведение министерств. Губернаторы являлись самыми высокопоставленными чиновниками МВД, они определялись и перемещались на должность по представлению министра внутренних дел именными высочайшими указами Правительствующему Сенату. Начальники губерний были назначаемыми чиновниками и выступали, прежде всего, как представители центра, часто имея смутные представления об управляемой ими территории. Последнее обстоятельство особенно было характерно для окраин Российской империи.

Губернаторский корпус Западной Сибири в исследуемый период был достаточно многочисленным. Так, за 35 лет в Тобольской губернии сменилось 9¹, а в Томской губернии — 15 губернаторов². При этом Н. Л. Гондатти занимал пост тобольского губернатора, а затем был переведен в Томскую губернию.

По закону губернаторами назначались лица, имевшие чин не ниже четвертого класса согласно «Табели о рангах». Ему соответствовали чины действительного статского советника и генерал-майора. Кроме того, среди губернаторов встречались лица, имевшие чины третьего (тайные советники и генерал-лейтенанты) и пятого классов (статский советник, полковник). Так, в Западной Сибири в исследуемый период преобладали губернаторы с гражданскими чинами — 20 человек (84 %). Из них на момент назначения чин действительного статского советника имели 13 губернаторов, тайного советника — 1, статского советника — 6. Кроме того, 3 губернатора Томской губернии имели военный

чин генерал-майора (А. И. Лакс, А. А. Ломачевский, К. С. Старынкевич). К. С. Нолькен при назначении на должность находился в чине полковника, а спустя год был произведен в генерал-майоры.

И. И. Красовский, В. Н. Азанчеев-Азанчевский, Г. А. Тобизен, Н. Л. Гондатти имели придворное звание камергера. С. А. Вяземский имел титул князя, а К. Ф. Нолькен — барона.

Важным показателем подготовки начальников губерний являлось полученное ими образование. Так, В. А. Лысогорский, Н. Л. Гондатти, С. А. Вяземский, В. Н. Азанчеев-Азанчевский получили образование в Московском университете, Н. М. Богданович, А. А. Станкевич, Е. Е. Извеков — в Санкт-Петербургском университете, Л. М. Князев, Г. А. Тобизен, П. К. Гран окончили Петербургское императорское училище правоведения. В. И. Мерцалов окончил Императорский университет святого Владимира в Киеве, К. С. Старынкевич — Императорский Варшавский университет, А. П. Лаппо-Старженецкий был выпускником Петербургского императорского Александровского лицея, К. Ф. Нолькен обучался в Николаевской академии Генерального штаба. Д. Ф. Гагман, Н. А. Ордовский-Танаевский окончили Павловское военное училище, И. И. Красовский, А. П. Булюбаш получили образование в Петровском кадетском корпусе в Полтаве и т.д. [15, 16]. Таким образом, чуть более половины губернаторов имели высшее образование, что было ниже общероссийских показателей примерно на 10 %.

Средний возраст вступления в должность среди томских губернаторов в исследуемый период составлял 49 лет, среди тобольских — 46 лет. Самым молодым был Н. М. Богданович, получивший назначение в 38 лет. Старше всех губернаторов этого периода был Е. Е. Извеков, которому ко времени вступления в должность и.о. томского губернатора исполнилось 65 лет.

Многие из лиц, занимавших губернаторский пост в Западной Сибири, уже имели опыт управленческой деятельности. Например, Н. М. Богданович до назначения в Тобольскую губернию был вице-губернатором в Ломже (с 1887 г.), а затем в Риге (1890 г.), А. П. Лаппо-Старженецкий долгое время занимал должность вологодского вице-губернатора, Д. Ф. Гагман был переведен с должности моголевского губернатора. А. А. Станкевич находился на службе в Министерстве внутренних дел с 1891 г., И. И. Красовский был московским вице-губернатором, А. Ф. Анисин и В. Н. Дудинский в разные годы занимали пост курского вице-губернатора, А. П. Булюбаш был таврическим вице-губернатором, Г. А. Тобизен — лифляндским вице-губернатором, А. А. Ломачевский — оренбургским вице-губернатором, С. А. Вяземский и К. С. Старынкевич последовательно занимали должность олонечского вице-губернатора. Е. Е. Извеков на протяжении 9 лет был вице-губернатором Костромской губернии, а П. К. Гран до назначения в Томскую губернию был иркутским губернатором и пр. Таким образом, лица, получившие назначение на губернаторскую должность в Западную Сибирь, до этого занимали преимущественно пост вице-губернатора, что соответствовало общероссийской тенденции в конце XIX — начале XX вв. При этом только несколько человек имели опыт служебной деятельности в Сибири, а, следовательно, знали особенности этого края: А. И. Лакс, Н. Л. Гондатти, А. А. Станкевич и П. К. Гран.

Средний срок пребывания губернаторов в должности в исследуемый период в Тобольской губернии составлял около 4-х лет, а в Томской губернии — чуть более 2-х лет. Подобное обстоятельство не могло не влиять на качество управления губернией.

Среди губернаторов исследуемого периода были лица, занимавшие эту должность неоднократно. Существовала своеобразная практика перемещения из одной губернии в другую. В частности, 9 (37,5 %) губернаторов после службы в Томской или Тобольской губернии занимали аналогичные посты: Л. М. Князев в Вологодской губернии, А. А. Станкевич в Самарской губернии, А. Ф. Анисьин в Вятской губернии, Г. А. Тобизен и К. С. Старынкевич в Харьковской губернии, А. А. Ломачевский в Тургайской области, К. С. Нолькен в Могилевской губернии, Н. Л. Гондатти после службы в Западной Сибири возглавил Приамурское генерал-губернаторство. Н. М. Богданович и П. К. Гран в разные годы были переведены с поста губернатора на должность начальника Главного тюремного управления.

От высших должностных лиц Западной Сибири, от их знаний, опыта и желания работать зависело реальное положение губерний.

Западносибирские губернаторы были разными людьми по личным качествам, способностям, уровню образования, по-своему они относились и к служебной деятельности. Оценка их современниками противоречива.

Так, в одной из статей в журнале «Сибирские вопросы» отмечалось следующее: «Возникает вопрос: знают ли Сибирь сибирские губернаторы? Для всякого, кто жил в Сибири, ответ на поставленный вопрос не представляет затруднения. Сибирские губернаторы в громадном большинстве случаев Сибири не знают. Все эти действительные статские советники и генерал-майоры — элемент пришлый. До назначения в Сибирь имели о ней весьма слабое представление. А в бытность в Сибири не успели с ней познакомиться... Были разные губернаторы. Несомненно, что некоторые знакомы были с Сибирью по прежней службе...» [17, с. 71, 75].

Роль губернаторов была важна в решении социально-экономических, переселенческих вопросов, решения общественно-политических задач. Многие губернаторы оставили о себе добрую память, прилагали все усилия для развития региона: И. И. Красовский, А. И. Лакс, Г. А. Тобизен, А. А. Ломачевский, Л. М. Князев, Н. Л. Гондатти и др.

Так, А. И. Лакс, по воспоминаниям, представлял собой «олицетворение благонамеренности, в лучшем значении этого слова, бескорыстный и почтенный во всех отношениях, он оставил по себе и в Сибири, как и во всех местах, где доводилось ему только служить и сталкиваться с людьми, самые хорошие, теплые воспоминания» [18, с. 583].

Находясь на посту губернатора, Г. А. Тобизен неоднократно поднимал вопрос о необходимости проведения реформ в Сибири. Так, в отчете за 1891 г. он отмечал, что «современным условиям гражданской жизни населения Томской губернии уже не соответствуют местные органы управления, несколько устаревшие по форме и недостаточные по численности их личного состава». Кроме того, Г. А. Тобизен отмечал несостоятельность судов устройства и действующего судопроизводства [19]. Он принимал активное участие в различных совещаниях при министре внутренних дел, в работе комиссии при Министерстве государственных иму-

ществ, поощрял общественные инициативы томичей и т.п. [16, с. 138].

Достаточно высоким авторитетом в Тобольской губернии пользовался Л. М. Князев, при нем активно развивалась торговля, увеличивалось количество медицинских и образовательных учреждений, успешно решались вопросы, связанные с переселением. В декабре 1900 г. Л. М. Князев получил благодарность от министра внутренних дел за участие в сооружении переселенческих поселков [15, с. 396–399]. Многие для развития региона было сделано Н. Л. Гондатти, занимавшего губернаторский пост в Тобольской и Томской губерниях. Так, например, с его деятельностью связывали относительное спокойствие в Тобольской губернии в 1906–1908 гг. [15, с. 422].

Накануне приезда Н. Л. Гондатти в Томск в газете «Сибирская жизнь» отмечалось: «Всем хочется верить в более лучшее. Дай Бог, чтобы хотя немного ослабли... суровые и невыносимо тяжелые условия жизни» [20]. Во многом эти надежды оправдались. В частности, Н. Л. Гондатти оказал помощь в получении займа на школьное строительство в учреждении Сибирских высших женских курсов. В знак своих заслуг он даже был удостоен звания почетного гражданина г. Томска [21, с. 37].

Большая часть критических замечаний в исследуемый период встречается в адрес Д. Ф. Гагмана, В. Н. Азанчеева-Азанчевского и К. С. Нолькена. Так, тобольский губернатор Д. Ф. Гагман получил следующую характеристику после двух лет своей деятельности: «разве может такой немощный совершить какой-нибудь энергичный шаг самостоятельно? Он в губернское управление никогда не ездит, доклады и просьбы может выслушивать только до завтрака...» [22, с. 24].

Много публикаций посвящено тяготению этого губернатора к могиловским чиновникам и торговле должностями. Редактор журнала «Сибирские вопросы» А. И. Иванчин-Писарев был обвинен в том, что статьи о торговле должностями основаны на вымышленном материале. Но суд, состоявшийся в Санкт-Петербургском окружном суде, вынес оправдательный приговор. После ревизии губернского управления губернатор ушел в отставку в феврале 1912 г.

О бароне К. С. Нолькене писали как о человеке, совершенно не соответствующем роли администратора [23, с. 2]. Тем не менее после отъезда из Томской губернии он был назначен могиловским губернатором, где также получил противоречивую, в основном негативную, оценку своей деятельностью. Согласно отчету Н. Ч. Зайончковского, командированного в Могилевскую губернию весной 1909 г., К. С. Нолькен не принимал меры для предотвращения преступности в городе, назначенные им полицейские чины в большинстве своем оказались профессионально непригодны и т.д. [24].

В целом, в губернаторском корпусе Западной Сибири в исследуемый период преобладали лица, имевшие чин действительного статского советника. Ко времени вступления в должность половина губернаторов находилась в возрастной группе 42–47 лет. Средний срок пребывания в должности был равен трем годам, что свидетельствует не только о текучести кадров, но и о практике перемещения «по горизонтали» — из одной губернии в другую. Большая часть западносибирских губернаторов имела опыт административной деятельности, что позволяло им по мере желания и возможностей решать задачи по управлению регионом.

Примечания

¹ Губернаторы Тобольской губернии: Лысогорский Владимир Андреевич (1878–1886), Тройницкий Владимир Александрович (1886–1892), Богданович Николай Модестович (1892–1895), Князев Леонид Михайлович (1896–1901), Лаппо-Старженецкий Александр Павлович (1901–1905), Гондатти Николай Львович (1906–1908), Гагман Дмитрий Федорович (1908–1912), Станкевич Андрей Афанасьевич (1912–1915), Ордовский-Танаевский Николай Александрович (1915–1917).

² Губернаторы Томской губернии: Мерцалов Василий Иванович (1880–1883), Красовский Иван Иванович (1883–1885), Анисьян Алексей Федорович (1885–1887), Лакс Антон Иванович (1887–1888), Булюбаш Александр Петрович (1888–1889), Тобизен Герман Августович (1890–1895), Ломачевский Асинкрит Асинкритович (1895–1899), Вяземский Сергей Александрович (1900–1903), Старынкевич Константин Сократович (1903–1904), Азанчев-Азанчевский Всеволод Николаевич (1904–1905), Нолькен Карл Станиславович (1905–1908), Гондатти Николай Львович (1908–1911), Извеков Егор Егорович (1910–1911), Гран Петр Карлович (1912–1913), Дудинский Владимир Николаевич (1913–1917).

Библиографический список

1. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права. В 9 т. Т. 9 / А. Д. Градовский. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904. — 600 с.
2. Коркунов, Н. М. Русское государственное право В 2 т. Т. 2. / Н. М. Коркунов. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. — 740 с.
3. Нольде, Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. — СПб. : Правда, 1911 — 554 с.
4. Блинов, И. Губернаторы / И. Блинов. — СПб. : Типо-литография К. Л. Пентковского, 1905 — 366 с.
5. Ивановский, В. В. Административное устройство наших окраин / В. В. Ивановский. — Казань : Типография Императорского университета, 1891. — 47 с.
6. Гинс, Г. К. Административное и судебное устройство губерний и областей Азиатской России. В 4 т. Т. 1 / Г. К. Гинс // Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. — СПб. : Изд-во перес. упр-я ГУЗсС, 1914. — С. 45–63.
7. Amburger, E. Geschichte der beherdenorganisazion Russland von Peter dem Grossen bis 1917 / E. Amburger. — Leiden : E.J. BRILL, 1966. — 622 s.
8. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М. : Третий Рим, 1997. — 357 с.
9. Robbins, Jr. R. G. The Tsar's Viceroy. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire / Jr. R. G. Robbins. — Ithaca and London, 1987. — 272 p.

10. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков / А. В. Ремнев. — Омск : Омск. гос. ун-т, 1997. — 253 с.

11. Лысенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века) / Л. М. Лысенко. — М. : МПГУ, 2001. — 358 с.

12. Минаков, А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черномозного центра второй половины XIX — начала XX вв.) / А. С. Минаков. — Орел : Орлик, Издатель Александр Воробьев, 2011. — 488 с.

13. Шихатов, И. П. Губернаторская галерея: Генерал-губернаторы Западной Сибири и Степного края. 1819–1917. Председатели Омского областного исполкома. 1917–1989 / И. П. Шихатов. — Омск : Изд-во Наследие, Диалог-Сибирь, 2000 — 224 с.

14. Сергиенко, В. А. Томский губернатор Владимир Николаевич Дудинский / В. А. Сергиенко // Сибирь: XX век. — Вып. 4. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. — С. 46–50.

15. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В. В. Коновалова. — Тюмень : Тюменский издательский дом, 2000 — 577 с.

16. Яковенко, А. В. Томские губернаторы : биобиблиографический указатель / А. В. Яковенко, В. Д. Гахов ; науч. ред. Н. М. Дмитриенко. — Томск : Ветер, 2012. — 224 с.

17. Непомнящий, И. Сибирь и сибирские губернаторы / И. Непомнящий // Сибирские вопросы. — 1911. — № 45–46. — С. 71–75.

18. Таборовский, А. Антон Иванович Лакс / А. Таборовский // Русская старина. — 1890. — Т. 65. — С. 583–586.

19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 772. Л. 8 об.

20. Сибирская жизнь. — 1908. — 19 декабря.

21. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. — 280 с.

22. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1910. — № 42–43. — С. 24–30.

23. Будет ли лучше // Сибирские вопросы. — 1908. — № 27–28. — С. 1–3.

24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 107. Д. 585. Л. 23–24.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2014 г.

© В. В. Гермизеева

Книжная полка

ББК 65.9(2Рос-5)26-03

Петин, Д. И. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области : сб. док. / автор-сост., науч. ред. Д. И. Петин ; вступ. сл. А. В. Сушко. — Омск : ООО «Амфора», 2014. — 224 с. : ил., фото, коммент., библиогр. — ISBN 978-5-906706-12-6.

В сборнике вводится в научный оборот комплекс из 189 неизвестных и не публиковавшихся ранее документов, хранящихся в фондах Исторического архива Омской области и его Тарского филиала. В издании сквозь призму финансовой сферы и денежного обращения отражено политическое и социально-экономическое положение Сибири в событийном контексте периода революции и Гражданской войны в России. Сборник документов предназначен для широкого круга читателей — историков, экономистов, архивистов, преподавателей, докторантов, магистрантов, аспирантов и студентов учебных заведений высшего и среднего специального образования, музейных сотрудников и краеведов.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ В КАЗАХСКОЙ АССР (1925–1929 гг.)

В настоящей статье освещены проблемы изменений подходов в национальной политике Советского государства во второй половине 1920-х годов и конфликт сторонников жесткой централизации с казахскими партийцами, стоявших на позициях «национал-коммунизма». Этот конфликт в наиболее открытой форме проявился в отношении к вопросу о сохранении этнических преференций при землеустройстве, в попытках сохранить запрет на переселение крестьян из-за пределов Казахской АССР. На основе архивных материалов автор показал, что попытка согласования национальных устремлений части казахских коммунистов с идеями социализма закончилась крахом, обвинениями в «национал-уклонизме» и чистками партийно-государственного аппарата.

Ключевые слова: аграрное переселение, казаки, казахи, национал-коммунизм, национал-уклонизм, очередность землеустройства.

Вторая половина 1920-х годов была переломной для судеб народов Казахстана. Усиление централизаторских тенденций, связанное с укреплением режима личной власти Сталина, обусловило начало резкого поворота в национальной и социально-экономической политике Советского государства. С середины 1920-х годов в Казахстане борьба с «национал-уклонизмом» преследовала целью ликвидацию сопротивления отдельных групп казахских партийцев надвигающемуся грандиозному социальному эксперименту над кочевым аулом и русской деревней. Острый конфликт между сторонниками Сталина во главе с Ф. И. Голощекиным и «национал-коммунистами» по вопросам сохранения этнических преференций при землеустройстве и закрытия республики от крестьянского переселения показывает наличие иного видения перспектив развития Казахстана через продолжение национальной политики начала 1920-х годов, когда были сделаны максимальные уступки национальным меньшинствам страны. Несомненно, данная проблема представляет интерес и в наши дни, позволяя понять истоки межэтнических конфликтов и способы их преодоления.

В советской историографии проблема землеустройства в контексте изменений в национальной политике Советского государства нашла отражение в трудах Г. Ф. Дахшлейгера, А. П. Кучкина, К. И. Нурпеисова, Б. А. Тулепбаева, М. Х. Шаумяна. В зарубежной историографии следует выделить исследования М. Б. Олкотт, Т. Мартина, Р. Суни. В настоящей статье на примере Казахстана предпринята попытка показать различие в подходах к национальной политике «национал-коммунистов» и сталинского руководства.

Если обратиться к истории решения национального вопроса в Казахстане в первой половине 1920-х годов, то очевидно, что после оформления национально-территориального устройства КАССР основные проблемы для краевого руководства были связаны с необходимостью регулирования земель-

ного вопроса и продолжающегося крестьянского переселения. Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), где было специально подчеркнуто, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [1, с. 366]. Надо отдать должное большевистским вождям, достаточно смело реагировавшим на возникавшие проблемы и понявшим суть «национального вопроса». Признав наличие «национального вопроса», большевики смогли перехватить программные установки «мелкобуржуазных националистов» и использовать их для успешной советизации национальных окраин.

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами на «почве» землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. По различным подсчетам в дореволюционный период из пользования казахов было изъято 45 млн десятин наиболее плодородных земель, из них 10 млн десятин передано казачьим войскам [2, с. 411; 3, с. 223–224]. На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [4, с. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим

киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [5, с. 279–284]. Цель большевиков в Казахстане в начале 1920-х годов заключалась в сглаживании противоречий между казахами и русскими.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 году казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 году в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. Казахскому населению были возвращены земли десятиверстной полосы вдоль Иртыша, Урала и Пресногорьковской линии, земли, отмежеванные для размещения переселенцев, а также монастырские земли. Переселенцам оставались участки в размере трудового надела, пришлые земледельцы уравнивались в наделении землей с русскими крестьянами. С учетом территорий, входивших в Туркестанскую АССР в период чрезвычайных аграрных мероприятий 1920–1921 годов, казахскому населению было возвращено несколько миллионов гектаров земли [6, с. 159; 7, с. 80].

Земельные переделы, как и ранее проводимая царской администрацией политика отчуждения земель в переселенческий фонд, спровоцировали обострение отношений между казахским и русско-казачьим населением края. Местные большевики «европейского» происхождения саботировали решения центральных властей. В июне 1921 году Уральский губком отказался выполнять декрет о возвращении казахскому населению 10-верстной полосы по левобережью Урала и, ссылаясь на ущемление прав трудового казачества, ходатайствовал об отделении Уральской области из состава КАССР. В ответ все губернское руководство было снято с работы. В Семипалатинской области были арестованы и преданы суду руководящие партийные работники, отказавшиеся проводить землеустройство казахского населения. С. Садрокасов разогнал местные органы власти и создал новые казахские ревкомы. В июне 1922 года часть членов Кустанайского губкома обвинила казахских коллег в национализме и потребовала передать губернию в состав Челябинской губернии. В Петропавловске А. Кенжин попытался провести чистки «шовинистов» в Акмолинском губкоме и губисполкоме [8, с. 93–98]. В Семирежье среди русского населения распространялись слухи о грядущем массовом выселении. Г. Ф. Дахшлейгер признал наличие неизбежных перегибов в политике и практике землеустройства, порожденных этноцентристскими трактовками принимаемых нормативных актов и несовместимых с проводимой генеральной политикой Советской власти, направленной на интеграцию народов на основе социальной солидарности. Поступали даже предложения о полном выселении русско-украинского крестьянства с территории КАССР, закрытия территории автономии для переселения [9, с. 55].

С 1923 г. «национал-коммунисты» постарались блокировать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения

и снижение доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством [10, с. 255].

В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет «земли освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков, и участков земли, захваченных самовольно» [11, с. 111]. 19 апреля 1925 г. решением V Всеказахского съезда Советов было запрещено самовольное переселение в Казахстан. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства. Решениями высшего советского и партийного органов республики была установлена следующая очередность землеустройства: после первоочередного наделения землей казахов земельные наделы могли получить переселенцы, прибывшие в край до 1918 г.; вторая очередь состояла из самовольных переселенцев, прибывших до 31 августа 1922 г.; в последнюю очередь на земельный надел могли рассчитывать самовольные переселенцы, прибывшие между 31 августа 1922 г. и 7 августа 1924 г. [11, с. 311]. Нарком земледелия Джандосов твердо объявил о первоочередности удовлетворения сельскохозяйственных запросов казахского населения [11, с. 3].

В. Г. Чеботарева интерпретирует нормативные нормы, как законы, направленные на изгнание русских из республики [Чеботарева В. Г., 2008, с. 512]. На самом деле речь шла о закрытии республики от переселения из-за опасений возможности изменения этнодемографического состава населения и первоочередного землеустройства казахского населения. «Национал-коммунисты» указывали на «избыточное давление» крестьян из Сибири. Осторожный Т. Рыскулов на II Пленуме Казкрайкома ВКП (б) (30 апреля–3 мая 1926 г.) высказался против ошибочного курса в землеустройстве: «Нельзя выселять все русское население из Казахстана, так же как нельзя вычеркнуть все казахское; они исторически жили вместе и будут жить в соседстве и вместе перейдут в социалистическое общество» [9, с. 56]. Рыскулов предложил вместо двух национальных фронтов противопоставить казахскую и русскую бедноту против казахских баев и русских кулаков. Это предложение было использовано впоследствии представителями Союзного Центра для отмены этнических преференций по землеустройству.

В результате проведения этнически ориентированной политики в сфере землеустройства и формирования местных органов власти в республике складывается взрывоопасная ситуация, аналогичная той, которая привела к Великому восстанию 1916 г., с той разницей, что протестный потенциал теперь формировался русским населением края. Недовольное неказахское население мигрировало в соседние районы РСФСР или обращалось к союзным властям с просьбой о создании автономии с прямым подчинением Москве. Русский крестьянин писал М. И. Калинину: «У нас в Казахстане у власти сидят одни казахи... землеустройство проводят среди казахов» [12]. В свою очередь, радикально настроенная часть казахов требовала выселения русских крестьян и казаков в Сибирь [13]. Сводки партийных

органов и ОГПУ сообщают о многочисленных стычках казахского и русского населения. Казахи занимались часто потравами посевов, кражей скота, захватами земли. Русские остро ощущали потерю прежнего привилегированного положения и засыпали центральные органы жалобами на казахов и республиканское руководство. Руководитель ОГПУ по Средней Азии рассматривал вероятность широкомасштабного русского восстания в Казахстане, аналогичного восстанию казахского населения в 1916 г. [14, с. 90]. Выход из тупика виделся в создании однородных национальных советов для русских и казаков. Комиссия ВЦИК под председательством Серафимова предложила проект создания в республике четырех русских округов с общей численностью 289 тыс. человек, объединенных в автономную Калининскую область, непосредственно подчиненную ВЦИК и Наркомату земледелия РСФСР [14, с. 90].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства, после отхода от власти Ленина, усилившего давление на «национал-коммунистов». Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к этнонационалистским проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х годов Союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками. П. Н. Милюков в эмиграции уловил новые ориентиры в национальной политике большевиков и указывал на усиление традиционно централистских начал: «Делая формальную уступку националам, Советская власть преследовала прежние цели — еще большей централизации» [15, с. 189]. Но попытка сменить направленность национальной политики вела к столкновению с национал-коммунистами и поддерживающей их антисталинской оппозицией в Москве.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф. И. Голощекина. В сентябре 1925 г. Голощекин, прозванный Троцким за грубость и беспринципность по отношению к местным кадрам «сталинским наместником», возглавил партийную организацию республики. Направление Голощекина в Казахстан было результатом острой фракционной борьбы между казахскими коммунистами. До национально-территориального размежевания 1924 года в партийно-государственном руководстве края существовали противоборствующие группировки. В письме члена Казкрайкома У. Джандосова Ж. Султанбекову приводится мнение наркома просвещения С. Садвокасова, что казахский коммунист не может быть вне групповой борьбы. Садвокасов выделил три казахские партийные группировки: первая во главе с С. Ходжановым была охарактеризована как «проалашевская», т.е. находящаяся под влиянием буржуазных националистов; вторая во главе с С. Мендешевым названа «проколонизаторской»; третья во главе с Садвокасовым была «представителем истинно-партийной платформы» [11, с. 260].

Сам Голощекин придавал своему назначению судьбоносное решение. Он неоднократно заявлял, что историю Советского Казахстана можно разделить на два этапа — до и после его назначения. На первом этапе «с 1920 по 1925 годы преобладали национальные моменты над классовыми... Это время группировок, время идеологии Алаш-Орды. С 1925 года классовые моменты преобладают

над национальными» [16]. Свою историческую миссию Голощекин видел в коренном и радикальном переустройстве казахского общества на социалистической основе и борьбе с казахским национализмом и великорусским шовинизмом. Голощекин обвинял национал-коммунистов в первой половине 1920-х годов приверженности идеям алашевских лидеров и групповщине, имеющейся на всех уровнях, от низовых партячеек до руководства Казкрайкома. «Строго говоря, — заявлял Голощекин, — в этот период парторганизации единой и монолитной в Казахстане не было. Казахская часть парторганизации была разбита на ряд группировок и группочек, руководимых «вождями» вроде Ходжанова, Рыскулова, Садвокасова, Мендешева, Сейфуллина и т.д. ... Между казахской и европейской частью организации был разлад, межнациональные трения, не было необходимой большевистской спайки» [17, с. 25].

Внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентированных на сталинский централизм, с казахскими «национал-коммунистами», которые выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая ненужным и опасным разжигание классовой войны в казахском ауле. Конфликт между Голощекиным и «национал-коммунистами» вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [18]. «Национал-коммунисты» отвергали обвинения в национализме и выдвигали лозунгов «Казахстан для казахов» в свой адрес. С. Садвокасов в первом журнале «Большевик» за 1928 г. писал: «Ни один благоразумный национал, тем более коммунист, не выкидывает и не выкидывал лозунга «Казахстан для казахов». С. Садвокасов предлагал первоочередное землеустройство не только казахского населения, но и крестьян-старожилов, которых он относил к коренному населению республики. В социально-экономической политике Садвокасов предлагал покончить с колониальным отношением к республике как сырьевому придатку Центральной России и развивать там индустриальный сектор [19, с. 61–64]. Критика Садвокасовым сырьевой направленности экономики республики противоречила взятому курсу на жесткую централизацию.

Садвокасов на заседаниях Казкрайкома решительно выступал против планов разжигания классовой войны в казахском ауле и конфискации байских хозяйств, являвшихся экономическим ядром этого аула. Садвокасов критиковал положение о необходимости «Октября в ауле», указывая на то, что «Октябрь — это гражданская война, а партия — за гражданский мир». По его мнению, роль бая в ауле резко отличается от роли кулака в деревне, так как беднота зависит от байства не только экономически, но и связана с ними бытовыми и родственными отношениями. Садвокасов сомневался в успехе натравливания казахской бедноты на своих богатых сородичей, в отличие от ситуации в русской деревне, прошедшей комбеды и продразверстку [20]. Голощекин и его окружение за защиту традиционного казахского аула навесили на Садвокасова, Мунбаева и других «национал-коммунистов» ярлыки ярых «националистов», «защитников байства и Алаш-Орды».

«Национал-коммунисты» были поддержаны в Москве антисталинской оппозицией. Зиновьев

обратил внимание на Казахстан, «который отдан в распоряжение Голощекина... Прочтите стенограммы его речей, где он обучает националов. Он контролирует партию. Он проводит линию, которая является насмешкой над ленинской постановкой национального вопроса» [21]. С критикой гонений на национал-коммунистов в республиках выступал и Троцкий. В 1927–1928 годов казахские «правые» продолжали безнадежную борьбу, стремясь к установлению справедливости. Небольшая делегация «национал-коммунистов» в начале 1927 г. посетила в Москве Троцкого, написавшего письмо Сокольникову. Однако проблемы, поднятые казахскими делегатами, не были устранены. По мнению М. Б. Олкотт, письмо Троцкого позволяет представить картину межэтнического конфликта в крае. Троцкий писал, что партийцы республики разделены на четыре фракции: русских, казахов, симпатизирующих русским, казахских правых и левых. Самая большая пропасть, считал Троцкий, лежит между европейскими и казахскими коммунистами, живущими обособленно и даже не играющими вместе в шахматы [22, р. 213–214]. Связи национал-коммунистов с антисталинской оппозицией и поездка к Троцкому стали поводом для гонений и последовавшей расправы уже в ходе Великог Террора [22, р. 213–214].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927–1928 годы. 8 февраля 1927 года Президиум ВЦИК РСФСР уравнивал в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [23]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских. Выведение Оренбуржья из состава республики в 1925 году под предлогом преобладания русского населения создало прецедент для дальнейших территориальных изъятий и вызвало тревогу у казахских руководителей. Изменение этнодемографического состава населения и увеличение доли русских могло снизить казахское влияние в республике, создать новые угрозы ее территориальной целостности.

8 июля 1928 года Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройств за счет государства [24]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины. В Казахстан прибыл секретарь ВКП(б) А. Андреев, активно помогавший Голощекину в борьбе с местной оппозицией. В августе 1927 года Президиум ВЦИК РСФСР создал специальную комиссию по урегулированию межнациональных отношений в Казахстане. Выехавшая в республику комиссия обследовала Акмолинскую и Семипалатинскую области и доложила 3 ноября 1927 года о сложной ситуации в крае. Комиссия рекомендовала начать отчуждение излишков земли у казахского населения [25].

В ноябре 1927 года состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. Присутствовавший представитель Союзного ЦК Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной критикой на членов

Бюро Казкрайкома партии Садвокасова, Мунбаева и Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. Андреев потребовал от казахских большевиков классового подхода и прекращения дискриминации русского населения. Андреев заявил: «...Я буду за то, чтобы землеустройство в Казахстане проводили на классовой основе, на основе объединения бедняка и середняка казахского и русского против кулака и бая... Классовое преимущество должно быть. Тут вопрос о преимуществе законный. А когда вопрос о преимуществе ставится между русским и коренным населением, это незаконная постановка» [11, с. 56–57]. Союзный представитель отпустил критику и в адрес Голощекина, упрекнув его в попустительстве националистам в вопросах землеустройства. Голощекин откровенно заявил в свое оправдание: «Но если бы, товарищи, я выступил против этого, я бы не собрал ни одного казахского голоса» [26, с. 262].

В ответ Ж. Мунбаев заметил: «Мы семь лет терпим угнетение. Дальше терпеть этого не можем. Дайте нам самим управлять страной» [27, с. 171]. VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям [26, с. 12]. Сам Голощекин после мощной поддержки Центра уже не нуждался в балансировании между различными фракциями и не колебался, строго проводя линию Сталина и его окружения.

Поражение этой группы «национал-коммунистов» было одновременно поражением умеренной части казахских большевиков (Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, А. Кенжин, С. Асфендияров), лишившихся своих потенциальных союзников, связанных дружескими и родственными связями с лидерами казахского национального движения Алаш. Голощекин был поддержан частью казахской партийной бюрократии, враждебной «национал-коммунистам» и алашевцам. Среди его сторонников особо следует выделить фигуры Т. Тогжанова, И. Курамысова, У. Исаева, Е. Ерназарова, А. Байдильдина и А. Асылбекова активно участвовавших в травле деятелей национальной оппозиции в Казахстане, в последующем они проявили себя в кампании оседания и коллективизации казахского аула. Значительная часть видных казахских партийцев (У. Джандосов, У. Кулымбетов, А. Розыбакиев, С. Сейфуллин, И. Кабылов, А. Джангильдин), не поддержала «национал-уклонистов», осознавая в то же время опасность голощекинских инноваций в социальной и национальной политике.

Сопrotивление новому курсу после поражения «национал-уклонистов» в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком по земледелию Ж. Султанбеков открыто назвал решения VI Республиканской партконференции «колонизаторскими», подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [28, с. 329]. Руководитель Сыр-Дарьинского губисполкома И. Мустамбаев открыто объявил Голощекина диктатором,

единолично представляющим Казкрайком ВКП (б). Мустамбаев выразился «С Голощекиным коммунизм в Казахстане не построишь» [28, с. 338]. Для преследования оппозиции Голощекин активно привлёк органы ОГПУ.

Конфликты Голощекин имел с руководством всех местных органов советской власти, о чем с тревогой говорил Н. Нурмаков, отмечавший выхолащивание деятельности Советов и подмену их функций партаппаратом. В мае 1928 года ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппарата в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5% от штата работников). Наиболее сильный удар был нанесен по республиканскому Наркомзему, где были выведены за штат до 28,5 % работников, что «положило конец националистической практике землеустройства» [27, с. 178–179]. Постоянной травле подвергались изгнанные из краевого руководства члены «садовкасовской группировки», обвиняемые в троцкизме.

Сторонники национал-коммунистов изгонялись из управленческих структур, наиболее влиятельные казахские коммунисты (Нурмаков, Рыскулов, Асфендияров, Мурзагалиев, Ходжанов) в конце 1920-х годов были под благовидными предлогами удалены из республики. С. Ходжанову вспомнили лозунги создания тюркской нации и выступление против национально-территориального размежевания 1924 года, что позволило обвинить его в пантюркизме. Помощник Ф. И. Голощекина и будущий «железный нарком» Н. И. Ежов в своих письмах, направленных на имя Сталина, Молотова и Каганович, невысоко оценивал своих коллег-«националов» и характеризовал казахских коммунистов как националистов, зараженных «национал-уклонизмом и групповщиной» [29, с. 159].

Одновременно с ударом по национал-коммунистам прессингу подверглись представители национальной интеллигенции, связанные с алашевским движением, и чингизиды, пользовавшиеся авторитетом в казахской среде. В конце 1928 г. из Казахстана были высланы 44 «буржуазных националиста», составивших ядро алашевского движения и по-прежнему дистанцировавшихся от политики большевиков. Фактический разгром национальной оппозиции открыл дорогу для радикального социалистического переустройства казахского общества. Отныне «национал-уклонисты» стали удобной мишенью для критики, а обвинения в садовкасовщине, «ходжановщине» или «рыскуловщине» удобным предлогом для расправы с конкурентами. Поражение казахских «национал-коммунистов» в значительной степени объясняется недостаточными солидаристскими связями в казахском социуме. Сами «национал-коммунисты» не были консолидированы и были втянуты в борьбу не только с Ф. И. Голощекиным — в казахстанской историографии и политическом дискурсе персонифицированным воплощением сталинизма, но и между собой.

Смирившись с диктатом Голощекина, казахские кадры активно участвовали в последовавшей кампании коллективизации и одобрили в феврале 1929 г. снятие запрета на переселение в Казахстан крестьян из европейской части страны. Новый поворот национальной политики в Казахстане подготовил республику для нового аграрного переселения и реализации планов коллективизации, ставшей трагедией для миллионов ее жителей. В то же время нельзя не отрицать значительных подвижек, произошедших в 1920-е годы в решении национального вопроса

в СССР. Национальные меньшинства перестали быть инородцами, наиболее крупные этнические группы, компактно размещенные на исторических территориях своего проживания, стали полноправными участниками социалистического строительства. В ходе нацистроительства происходило активное развитие культуры народов СССР, повышался их культурный и образовательный уровень. В значительной мере поражение «буржуазных националистов» и «национал-коммунистов» было обусловлено тем, что Советская власть достаточно оперативно и чутко реагировала на возникающие проблемы и стремилась к действительной интеграции советских народов, последовательно проводя политику интернационализма, оказавшуюся единственно возможной в условиях постоянных межэтнических конфликтов, вспыхивавших в заново строящейся социалистической стране.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. Т. 2. — 9-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 446 с.
2. Сулейменов, Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане / Б. С. Сулейменов, Т. Елеуов. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1963. — 410 с.
3. Турсунбаев, А. Б. Дорогой борьбы и свершений: Из истории казахского аула / А. Б. Турсунбаев. — Алма-Ата: Казахстан, 1971. — 168 с.
4. Образование Казахской АССР: сб. документов и материалов / Под ред. С. Н. Покровского. — Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957. — 366 с.
5. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: сб. док. и материалов. — Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1962. — 592 с.
6. Дахшлейгер, Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана / Г. Ф. Дахшлейгер. — Алма-Ата: Наука, 1965. — 536 с.
7. Тулепбаев, Б. А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане / Б. А. Тулепбаев. — М.: Наука, 1984. — 269 с.
8. Григорьев, В. К. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917–1925 гг.) / В. К. Григорьев, Н. Р. Джагфаров, В. П. Осипов. — Алма-Ата: Казахстан, 1989. — 176 с.
9. Дахшлейгер, Г. Ф. Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане (пролетарский интернационализм в действии) / Г. Ф. Дахшлейгер // Великий Октябрь в Казахстане: сб. ст. — Алма-Ата: Наука, 1977. — С. 36–58.
10. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. — Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927. — 285 с.
11. Джандосов, У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). В 2 т. Т. 1 / У. Джандосов. — Алматы: Казакстан, 1999. — 400 с.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 178. Л. 106.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83. Л. 130–133.
14. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. — М.: РОССПЭН, 2011. — 855 с.
15. Милюков, П. Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П. Н. Милюков. — Прага: Свободная Россия, 1925. — 192 с.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 27. Л. 2.
17. Голощекин, Ф. И. Коренизация в период социалистической реконструкции: докл. на Пленуме Казкрайкома ВКП(б), (декабрь 1929 г.). — Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1930. — 46 с.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 3. Л. 58–61.
 19. Садрокасов, С. О национальности и националах / С. Садрокасов // Большевик. — 1928. — № 1. — С. 56–64.
 20. РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 25. Д. 178. Л. 16–24.
 21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 8. Л. 2, 232–233.
 22. Olcott M. B. The Kazakhs. — Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. — 388 p.
 23. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 61. Л. 1–2.
 24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10. Л. 111.
 25. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 464. Л. 93.
 26. VI Всеказахская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. — Кызыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1927. — 387 с.
 27. Кучкин, А. П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) / А. П. Кучкин. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 432 с.
 28. Койгельдиев, М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х гг. / М. К. Койгельдиев. — Алматы: Искандер, 2009. — 448 с.
 29. Осипов, В. П. Всплываясь в 20–30 годы: (Из истории организационно-политического развития Компартии Казахстана) / В. П. Осипов. — Алма-Ата: Казахстан, 1991. — 186 с.

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин.
 Адрес для переписки: sattarkaz@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2014 г.

© С. Ш. Казиев

УДК 947(571.1/5)

А. И. ШУМИЛОВ

Финансовый университет
 при Правительстве
 Российской Федерации,
 Омский филиал

СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследуются процессы, происходившие в селах Омского Прииртышья в период Первой мировой войны. Автором впервые вводятся в научный оборот документы, раскрывающие экономическую и нравственную составляющие жизни сельчан в трагическое время, когда многие из них получали сведения о гибели родных и близких.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, похоронки, сибиряки, пособия.

Первая мировая война продолжалась для России около 3,5 лет. Последовавшие затем революции и Гражданская война, прокатившаяся почти по всей стране, ослабили интерес как населения, так и историков к этому событию. Лишь для семей погибших и искалеченных да непосредственных участников сражений она оставалась незаживающей раной, всегда напоминавшей о себе.

С началом войны началась мобилизация в армию как призывных возрастов, так и находящихся в запасе. На территории Омского военного округа в 1914 г. была сформирована 11-я Сибирская стрелковая дивизия. Тогда же, «путем выделения кадров из 7-й, 8-й, 11-й Сибирских стрелковых дивизий были сформированы и отправлены на фронт второчередные 12-я, 13-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии», а всего на территории Омского и Иркутского военных округов «было сформировано пять Сибирских стрелковых запасных бригад» [1]. Они включали в себя около 30 полков, готовивших для армии пополнения из вновь призванных, которые после краткой подготовки в составе маршевых рот направляли для пополнения несущей огромные потери действующей армии. На 7 декабря 1916 г. в запасных полках Омского военного округа числилось 31109 человек постоянного состава и 94782 человека

готовых к отправке на фронт. Из Сибири с населением в 10,1 млн человек было призвано в армию 1 млн 111 тыс. проживающих в регионе. Сибирская деревня дала 988 тыс. призывников и город — 123 тыс. человек. Призванные составляли 51,5 % трудоспособных мужчин Томской, 38,8 % — Енисейской, 49,5 % — Иркутской, 51,8 % — Тобольской губерний, 60,8 % — Акмолинской и 54,8 % — Забайкальской областей [1].

В связи с массовыми призывами трудоспособного мужского населения стали резко сокращаться трудовые ресурсы сибирской деревни. Вслед за молодыми парнями призывного возраста в 1916–1917 годах в армию стали забирать обремененных семьями мужчин в возрасте 35–40 лет. Так, в весеннюю мобилизацию 25 марта 1916 г. из Тавиновской волости Тарского уезда было взято 18 человек, а осенью, в мобилизацию 20 сентября 1916 г. уже 35 человек. В большинстве своем каждый мобилизованный имел семью, в которой было 4–6 и даже 7 детей [2, л. 189]. В случае гибели кормильца какое количество сирот прибавлялось в деревне! В фондах архива сохранились приговоры сельских сходов об установлении опеки над имуществом и сиротами убитых односельчан. В протокольной записи приговора Рыбинского сельского схода Андреевской волости Тюкалинско-

го уезда от 22 февраля 1916 г. об установлении такой опеки над имуществом и сиротами погибшего Красноуруцкого Филиппа Мефодьевича отмечалось, что «согласно выписке Крестинской Михаило-Архангельской церкви от 30.12.15 г. у убитого были дочь Таисия 09.05.12 г. рождения и дочь Елена 19.05.14 г. рождения. Сход из 37 человек (57 домохозяев, 53 двора, 187 ревизских душ) в присутствии старосты Григория Швеца (провел) выборы и учреждение опеки на сирот, оставшихся после убитого 26.09.14 г. двух девочек. Приговор избрал опекуницей жену Устинью Павловну Красноуруцкую, а по второму браку или мужу состоит Шишкина, поселок Константиновский, Андреевской волости, 27 лет. Шишкина вполне благонадежная и исполнит должность опекуницы добросовестно. Под судом и следствием не состояла. Имущество: пластинный дом — 10 рублей, душевный надел 1 — 5 рублей, усадебное место — 1 рубль. Итого — 16 рублей. Подписи всех 37 человек за 10 неграмотными имеются» [3, л. 2—3.] Таким образом, опекуницей над сиротами выступила бывшая жена погибшего, находившаяся уже во втором браке.

Война не только истощила людские ресурсы сибирской деревни, но и усилила налоговое бремя. В апреле 1915 г. был введен военный налог, которым облагались лица мужского пола в возрасте до 43 лет, освобожденные от воинской повинности: те, кто имел доход до 1 тыс. рублей в год, каких в сельской местности было абсолютное большинство, платили 6 руб. налога, остальные категории с более высокими доходами, соответственно, больше.

Государство пыталось наладить помощь семьям военнослужащих. Так, ещё 2 сентября 1914 г. признание детей из таких семей взял на себя Алексеевский Главный Комитет. Этот орган был учрежден указом царя от 16 июня 1905 г. в ознаменование рождения царского наследника Алексея для признания детей лиц, погибших в войну с Японией. В Первую мировую войну комитет предполагал «каждому из детей нижних чинов, убитых или пропавших без вести на войне, или умерших от ран или болезней, если смерть нижнего чина последовала до истечения года со дня объявления о приведении армий на мирное положение, будет выдаваться пособие от Алексеевского Комитета до достижения 16-летнего возраста в следующих размерах: — живущим в сельской местности — по 24 рубля в год; живущим в небольшом городском поселении — от 24 до 30 рублей в год; живущим в больших городах — от 30 до 42 рублей в год. Круглым сиротам пособие в случаях, заслуживающих уважение, в размере до 40 копеек на 1 рубль основного оклада, т.е. от 33 рублей 60 копеек до 58 рублей 80 копеек на каждого в год» [4, л. 15]. Детям раненых солдат лишь в случае их нетрудоспособности и бедного имущественного положения могло быть выдано пособие.

На семьи мобилизованных, не имеющих трудоспособных сыновей-кормильцев, назначались продовольственные пособия в 2-3 рубля в месяц. Эта сумма приравнивалась к стоимости продуктов питания, которые входили в так называемую кормовую норму или паёк, включавший 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли и 1 фунт растительного масла. Уволенные со службы инвалиды имели право на получение от казны пособия в 3—6 рублей в месяц.

Местные власти старались следить за своевременным составлением списков на получение продовольственных пайков. 20 декабря 1914 г. Тобольский

губернатор А. Станкевич обязал волостных старост губернии в двухнедельный срок лично объехать селения и проверить списки, а заодно расспросить об убитых и раненых. Позднее, 12 января 1915 г., он довел до сведения волостных старост, что раненые, находящиеся на излечении дома, имеют право на получение денежного довольствия по 25 копеек в сутки [5, л. 2, 3]. Тем не менее нередки были случаи, когда семьи погибших в силу разных причин не были включены в списки на получение пенсий. Тогда сельские сходы подтверждали ходатайство на получение пенсии перед волостными властями. Так, 29 июля 1916 г. было подтверждено 15 подписями ходатайство Дарьи Массалитиной из Ново-Ермаковска Егоровской волости, муж которой Автоном Липатович Массалитин «умер от гнилокровия» ещё 3 сентября 1915 г.

Однако война привела к экономическому кризису страны из-за огромных расходов на закупку вооружения, обмундирования, продовольствия и т.д. Россия, как и остальные воюющие страны, отказалась от обмена бумажных денег на золото, что до войны было свободным, и стала их выпускать в больших количествах. Это привело к инфляции. Цены стали расти как на продовольственные, так и на промышленные товары и к февралю 1917 г. выросли от 3 до 10 раз. Поэтому пособия семьям фронтовиков несколько повысили. Сохранившиеся в архивах списки получающих пособия и на какое число членов семей, дают примерное представление о количестве мобилизованных на фронт. Например, в октябре 1917 г. в селе Крутинское выдали пособие 191-й семье при том, что село насчитывало около 330 домов. Это значит, что взяты на фронт были в среднем 2 человека из 3-х домов. В деревне Ик пособие получали 93 семьи, в Ямане — 124 семьи, в Ново-Покровке — 62 семьи. А всего по Крутинской волости пособие выдавалось 1463 семьям [6]. Например, жена Ермакова Нестора Федоровича Агриппина на себя и на троих детей получила в сентябре 1917 г. 19 рублей 76 копеек, На Мыльникову Карпа Ивановича жена Пелагея и двое детей получили 12 рублей 35 копеек, жене Тенькова Ивана Параскевы выдали 4 рубля 94 копейки.

На фронт уходили как многодетные, так и не имевшие детей, молодые пары. Иногда встречаются мобилизованные с одной фамилией. Например, из Крутинки были взяты на фронт Черногородовы Василий Павлович, Карп Павлович, Семен Павлович, Петр Павлович, Яков Миронович, Алексей Васильевич, Иван Алексеевич, Михаил Егорович, Тихон Козьмич, Иван Игнатьевич, Григорий Игнатьевич, Ефим Григорьевич, Николай Степанович.

Троих последних уже к сентябрю 1917 г. не было в живых: Ефим Григорьевич погиб в бою в сентябре 1915 г., Григорий Игнатьевич умер от брюшного тифа под Тулой, Николай Степанович, ратник 2-го разряда, умер в Омском военном госпитале 22 января 1916. Похорожки приходили в села довольно часто. Так, священник лазарета № 1 Сибирской стрелковой дивизии 23 октября 1915 г. пишет: «Крутинскому волостному правлению Тобольской губернии Тюкалинского уезда. Прошу уведомить родственников, под расписку на сем же, крестьянина деревни Ик Василия Матвеева Маркова о том, что он умер в нашем лазарете от огнестрельного ранения головы 24 декабря 1914 г. и погребен мною в зав. Германово Варшавской губернии... За справками и метриками родственники могут обращаться ко мне по адресу: полевая почтовая контора № 33,

священнику лазарета № 1 Михаилу Пешковскому». В другом сообщении пишется, что «рядовой 30-го Сибирского стрелкового полка Матвей Гопоров убит в бою с германцами от 8 до 14 октября 1915 г.» Тюкалинский уездный воинский начальник сообщил Крутинскому волостному правлению, что командир 33-го Сибирского полка 20 мая 1915 г. сообщил о том, что рядовой Зорин Прокопий Никифорович, проживающий в селе Крутинка, пропал без вести в бою с германцами 13 февраля 1915 г. В том же бою пропал без вести его земляк Рахманов Алексей Иванович [5, л. 7, 10, 23]. При кажущемся порядке в учете потерь в войсках взимание расписок с родственников погибших при объявлении им о гибели сына или мужа кажется бесчеловечным актом. Например, командир 10-го стрелкового полка просит Егоровское волостное управление Тарского уезда сообщить под расписку родственникам стрелка Алексея Марковца о том, что он погиб 31.05.16 г. в бою с австрийцами под местечком Краковец и расписку прислать в полк. На обороте сообщения написано: «Подписка 1916 года января 20 дня. Я, нижеподписавшийся крестьянин пос. Петропавловский Егоровской волости Иван Марковец, находящийся отцом Алексея Марковца, даю настоящую подписку в том, что мне сего числа объявлено командира 10-го стрелкового полка за № 6839 объявление. В том и подписуюсь Иван Марковец, а по безграмотности моей и личной просьбе расписался Никита Бунiba. Подписку отобрал Петропавловский сельский староста Козленок» [4, л. 2]. В силу каких-то причин подписка осталась в волостных делах, но это было общепринятым явлением, которого в годы Великой Отечественной войны не было, тогда вручалось только похоронное извещение.

Подобные похоронки сохранились далеко не все, т.к. их, после росписи родственников об ознакомлении, отсылали обратно в воинскую часть, поэтому восстановить полную картину о количестве погибших и пропавших без вести невозможно. Однако даже по оставшимся в волостных делах сообщениям нами выявлено только по Крутинской волости 76 человек убитых, 64 человека пропавших без вести [4]. Иногда о без вести пропавших приходили обнадеживающие сведения. Например, в Егоровское волостное правление 15 декабря 1915 г. пришло сообщение от Тарского уездного воинского начальника полковника Трубина о том, что жители волости Серененок Павел и Сеньков Лука пропали без вести в бою 6 мая 1915 г., а Машаров Киприян в том же бою погиб. Однако 22 января 1916 г. Ермаковский сельский староста представил в волостное правление сведения о том, что Серененок и Сеньков живы и находятся в плену в Австрии, прислали письма, «но адрес указать невозможно как написано по-немецки» [4, л. 5]. Прислали весточки из плена из Вишневки Мартын Климович, из поселка Кошкуль Иван Яцкевич, Павел Емельянов. Однако такой счастливый исход был скорее исключением, чем правилом, тем более из плена ещё нужно было вернуться. Житель поселка Белогорского той же Егоровской волости Степан Сазонович Жуков 22 мая 1916 г. обратился к командиру 119-го Коломенского полка с просьбой прояснить судьбу сына Бориса, который служил в команде разведчиков и в течение 9 месяцев не давал о себе знать. Отец просил командира «сообщить о постигшей участи» сына. В ответе командира полка от 07.06.16 г. говорилось, что Борис Степанович Жуков по спискам полка числится убитым в бою 13.07.15 г. у города Аултуска [4, л. 48, 49].

Потери сибиряков в Первой мировой войне точно не установлены, однако по самым приближенным подсчетам из 1 млн 100 тыс. призванных на полях сражений осталось около 100 тыс. наших земляков, отдавших жизнь за Родину на поле брани. Поэтому нельзя забывать эту трагическую страницу нашей истории.

Нехватка рабочих рук в результате мобилизации как в городах, так и, особенно, в селах, где крестьянское хозяйство держалось на мужской рабочей силе, привела к упадку экономики региона. Кроме того, часть наиболее работоспособных молодых лошадей была реквизирована для нужд армии. Усугубляли ситуацию и погодные катаклизмы. Если в 1914 г. был очень хороший по тем временам урожай зерновых в 11 центнеров с гектара, то в 1915 г. была засуха и средний урожай зерновых в Прииртышье составил около 5 центнеров с гектара, а в 1916 г. поздние весенние заморозки и последовавшая засуха также не способствовали получению высокого урожая.

В связи с началом войны был запрещен вывоз сибирского масла не только за границу, но и в европейскую часть страны. Это привело к панике среди маслоделов. Цены с 15–16 руб. за пуд упали до 8 и даже 7 руб. за пуд. Кроме того, многие мастера-маслоделы были призваны в армию. Затем банки перестали выдавать кредиты под масло. Ситуацию спасла монополия государственная закупка масла для нужд армии. Всю продукцию, как частных, так и кооперативных маслозаводов, государство через Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА) закупал по твердым государственным ценам по 12 руб. 20 коп., в то время как на рынке цены были 10 руб. 40 коп. Однако кризисное состояние сибирской деревни, неурожайные годы повлияли и на объемы маслоделия. С 4 975 859 пудов вывезенного в 1913 г. из Сибири масла, уже в 1914 г. объемы снизились до 3 680 109 пудов, а в 1916 г. ещё сократилось до 3 555 328 пудов. Лишь в 1915 г. был резкий всплеск заготовок до 5 166 000 пудов [7].

Таким образом, за годы Первой мировой войны экономика и людской потенциал сибирской деревни были существенно подорваны, что не могло не сказаться на настроениях населения. Поэтому Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 г. были приняты населением спокойно и с надеждой на окончание войны и на улучшение жизни.

Библиографический список

1. Симонов Д. Г., Шиловский М. В. Первая мировая война / Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. — URL: <http://bsk/nios.ru/enciklopediya/pervaya-mirovaya-voyna> (дата обращения: 26.01.2014).
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 211.
3. ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 48.
4. ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 77.
5. ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 86.
6. ИАОО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 90.
7. Белоногов, Т. П. Молочное хозяйство и маслоделие в губернии / Т. П. Белоногов // Материалы к познанию производительных сил Омской губернии. Омск, 1923. — С. 212–236.

ШУМИЛОВ Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Общественные науки». Адрес для переписки: г. Омск, ул. Партизанская, 6.

Статья поступила в редакцию 05.02.2014 г.

© А. И. Шумилов

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ АВГУСТА 1991 ГОДА В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ИСТОРИИ

Статья посвящена осмыслению событий августа 1991 года. Эти события получили широкое освещение во многих изданиях. Автор предпринимает попытку анализа Августовского путча в учебных пособиях по истории России, вышедших в свет в конце XX века.

Ключевые слова: Августовский путч 1991 года; учебные пособия по истории.

Кто управляет прошлым, управляет будущим.
Кто управляет настоящим, управляет прошлым.

Джордж Оруэлл

За последние десятилетия произошли серьезные изменения в образовательном пространстве. Произошедшие в конце 80-х – начале 90-х годов изменения в государственно-политических и социально-экономических структурах оказали существенное влияние на все стороны образовательного процесса. Образование, оставаясь одним из индикаторов развития государственной системы, не остается в стороне от происходящих перемен. Смена научной парадигмы, происходившая в конце XX века, произвела настоящую «революцию» в системе знаний. Кризис универсальной принятой научной парадигмы выразился в дезинтеграции гносеологических принципов, к разрыву структурных связей и пересмотру привычного набора функций многих дисциплин. Еще более серьезной проблемой стал пересмотр системы взаимоотношений с обществом. В таких условиях многие общественные науки попадают в ситуацию «идейного кризиса». Единственным выходом из сложившихся обстоятельств становится поиск новой идеи или события, которые оказались бы способными сплотить вокруг себя большинство общества. Изначально поиском такой идеи, с подачи высшего руководства страны, занялись многие историки и обществоведы. Были подвергнуты ревизии многие темы, которые ранее были либо запретны, либо вообще не известны. Среди наиболее ярких эпизодов «демократического мифа» стал Августовский путч 1991 года.

События августа 1991 года привлекли внимание всего общества, став на непродолжительный период стержневым элементом всей повестки дня России. За одно только десятилетие, прошедшее после завершения трех дней августа, было написано огромное количество мемуаров и воспоминаний, практически каждый «уважающий себя политик» неоднократно высказывался и дал свои комментарии этим событиям. В журналистской среде даже возник знаменитый вопрос: «что Вы делали 19 августа 1991 года?». Активными участниками этого диалога, в первую очередь, стали политические лидеры и общественные деятели. Практически сразу эту «волну» подхватили и представители академического сообщества. Основной формой поддержания дискуссия с их стороны стали либо публикации в газетах и интервью различным телеканалам, либо

издание сборников, рассказывающих, чем занимались «авторы в эти три дня». Сутобо научный анализ этих событий оставался и остается слабым местом в рамках осмысления общей картины событий. Одними из немногих, кому пришлось обратиться к анализу событий в рамках научного подхода, стали авторы учебных пособий по истории для различных ступеней образования.

Учебные пособия по истории, как источник изучения картины представлений какой-либо эпохи, стали предметом отдельного исследования относительно недавно. Современные исследователи только включаются в процесс осмысления учебной литературы, ее роли не только в рамках образования, но и как одного из индикаторов общественно-политической ситуации в стране. Среди представителей научного сообщества, занимающихся этой проблемой, стоит выделить таких исследователей, как А. Н. Фукс [1], Т. П. Путятин [2], Д. О. Чураков [3] и др. [4].

В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть отражение событий августа 1991 года (Августовского путча 1991 года) в учебной исторической литературе, вышедшей в последнее десятилетие XX века. Выбранный период, на наш взгляд, достаточно наглядно показывает особенности взаимодействия общественно-политической и социокультурной элиты и их влияние на общеобразовательный дискурс, в контексте развития представлений о событиях августа 1991 года. В выделенном историческом промежутке, на наш взгляд, уместно акцентировать внимание на учебных пособиях, вышедших до 1996 года. Начало первому этапу положила активная общественно-политическая дискуссия, начавшаяся с момента завершения рассматриваемых событий. Ключевым моментом, ставшим верхней точкой этого этапа, стоит считать период избрания Б. Н. Ельцина на должность Президента РФ на второй срок. Объективно данная тематика к этому времени начала выходить из области ее «политического» применения, да и отношение общества к этим событиям существенно поменялось.

Стоит признать, что достаточно сложно определить точные хронологические рамки, определяющие изменение этимологической нагрузки и интерпретирования самих событий трех дней августа 1991 года. По нашему мнению, среди определяющих условий, послуживших для большинства авторов учебных пособий «мотивом» к попытке

переосмысления роли и значения исследуемой тематики, стали, во-первых, формирование и рекрутирование новой политической элиты. К моменту избрания Б. Н. Ельцина на второй президентский срок, практически все соратники, с которыми он начинал свое политическое восхождение, оказались в разных политических лагерях. Учитывая достаточно серьезную персонификацию представлений, связанную с деятельностью Президента РСФСР и его ближайшего окружения в дни 19–21 августа 1991 года, раскол некогда едином политическом лагере привел и к расколу некогда единой трактовки этих событий. Тема августовских событий выходит из официальной повестки дня, заменяется новыми элементами в структуре политического мифа. Эта объективная особенность любого исторического «действия», связанная с переходом исследуемой темы из политического дискурса в академический. И, в-третьих, тот факт, что тематика постепенно сошла с «первых страниц газет», позволило академическому сообществу более объективно подойти к рассмотрению событий августа 1991 года.

После того как советские учебники вышли из образовательного дискурса, «большую» часть освобожденного пространства заполнили книги и учебные пособия зарубежных авторов [5–9]. Необходимо отметить, что популярность и «авторитетность» иностранных изданий оказывали серьезное влияние при составлении учебных программ. Более того, учебник Н. Верта был рекомендован Комитетом по высшей школе Минобразования в качестве учебного пособия, а книга Дж. Хоскинга предвещалась введением заместителя министра образования А. Г. Асмолова [3].

Зарубежные авторы при рассмотрении событий августа 1991 года в своих работах чаще всего акцентировали внимание на последствиях, которые произошли после этих трех дней: «Покончила самоубийством Коммунистическая партия Советского Союза»; «Перестала существовать последняя империя»; «Борис Ельцин стал лидером» [8, с. 527]; «Произошел рост общественного сознания и политической зрелости масс»; «Произошла утрата Горбачёвым влияния и власти и упразднение прежних институтов власти»; «Восемь республик заявили о своей независимости» [8, с. 527–528].

Более подробный анализ событий августа 1991 года был представлен итальянским историком и журналистом Джузеппе Боффа и английским историком Джеффри Хоскингом. В своих трудах авторы восстанавливают хронику трех дней августа, подробно рассматривают роль и участие М. С. Горбачева в этих событиях. Из эпизодов, которые выходят из общего дискурса того времени, следует отметить несогласие Боффа с утвердившейся трактовкой этих дней как «переворота» — «определение <...> неточное, так как предполагает замену людей, стоящих у власти. Однако те, кто вводил чрезвычайное положение, этой властью уже обладали. Незаконными их действия делало сопротивление Горбачева» [6, с. 238]. Дж. Хоскинг, напротив, укладывает всю картину противостояния в традиционную картину, описанную лидерами «демократического» движения 90-х годов, суть которой сводится к противостоянию «радикалов» во главе с Б. Н. Ельциным и противников подписания нового союзного договора. Автор при этом не торопится называть членов ГКЧП консерваторами, ссылаясь на опубликованное ими обращение, в котором нет «ни малейших следов марксистско-ленинского мышления» [9, с. 483]. Оба

автора уверены в незаконности путча и импровизированности действий ГКЧП [6, с. 238–240; 9, с. 483–484]. Итальянский и английский историки так же подробно рассматривают причины провала «заговорщиков»: «противоборствующие тенденции» в армии и милиции, международное осуждение «путча», отсутствие народной поддержки ГКЧП, бездействие государственных деятелей, пытавшихся совершить переворот и, напротив, решительность Б. Ельцина. Лидером Августовского путча Д. Бофф, как и большинство зарубежных авторов, считает В. А. Крючкова.

Авторы однозначны в своих выводах, интерпретируя, пусть и с некоторыми оговорками, эти события как «переворот». Семантическая нагрузка этих событий также не отличается от оценок политической элиты этого времени, устойчивым выражением остается Августовский путч. Одним из немногих элементов, который выделяется зарубежными авторами, и позже не вошедшим в отечественный академический дискурс, является персонифицированность событий с М. С. Горбачёвым. Большинство зарубежных исследователей при этом отмечают факт перехода «инициативы» к первому Президенту России Б. Н. Ельцину. В остальных же аспектах рассматриваемых структурных единиц августовской тематики можно наблюдать близость многих оценок.

Отечественная историческая наука «настороженно» встретила на своих страницах августовскую тематику. Большинство представителей академического сообщества, занимающихся проблемами новейшей историей, предпочли оставить без внимания тематику трех дней августа 1991 года. На первых порах этот недостаток с «успехом» компенсировали представители общественно-политических групп нашего общества. И все-таки вышедшим в этот период учебным изданиям, при всех отмеченных выше нюансах, приходилось обращаться к анализу событий августа 1991 года.

На первом этапе рассмотрения вопроса об августовских событиях в учебном дискурсе можно говорить о формировании определенной стратегии транслирования представлений. Даже если семантическая нагрузка августовских событий, или Августовского путча в некоторых изданиях разнится, то сама логика изложения общей картины представляет собой достаточно четкую линейную структуру. Обычно точкой отсчета августовских событий 1991 года считают начало обсуждения нового союзного договора. Союзный договор выступает и в качестве основного лейтмотива выступления «консервативного» блока руководства СССР. Практически во всех изданиях в рамках конструкции «подготовка к «путчу» вместе с тем дается оценка нового союзного договора. При этом стоит сразу отметить, что описание его «качественной» стороны, т.е. перспективы его принятия, возможности урегулирования многих экономических и политических разногласий после его подписания и вообще его необходимость в сложившейся обстановке, в целом не влияют на построение композиции «событий августа 1991 года» в этот период.

Наиболее последовательно логика развития системы представлений, где основной причиной августовских событий является подписание нового Союзного договора, представлена в учебных пособиях А. А. Данилова [10] и В. В. Журавлева [11]. Авторы по-разному смотрят на всю ситуацию с подписанием нового договора. Один из известнейших современ-

менных исследователей А. А. Данилов положительно оценивает новый Союзный договор, отмечая, что «СССР стоял на пороге глобальных реформ <...> подписание означало переход к действительно федеративному государству, устранению ряда сложившихся в СССР структур и замене их новыми» [10, с. 307]. В. В. Журавлев, напротив, отмечает, что «проект оказался нехорош для каждой из противоборствующих сторон. Для одной потому, что не обеспечил желанной целостности союзного государства, для других, потому что эту целостность в какой-то мере пытался сохранить. За проект в этой ситуации держался только Президент СССР<...>» [11, с. 111]. Приведенные примеры мнений на проблему подписания Союзного договора показывают сложившуюся антинормию по данному вопросу. Комплекс представлений о новом Союзном договоре в этот период начинает активно складываться в российской науке. Но при этом уже тогда начался процесс формирования представлений с логическим рисунком, в который была «встроена» определенная доминанта. Если авторы закладывают в основание положительно окрашенные представления о новом Союзном договоре, то логика построения конструкции событий августа 1991 года, безусловно, выстраивается в негативном ключе. И при этом обратная ситуация должна произойти при негативно окрашенных представлениях о подготовленном документе нового Союзного договора, где срыв подписания «никому не нужного договора» должен, по логике, привести к более положительной оценке не только участников ГКЧП, но и самих событий августа 1991 года.

Вопрос о новом Союзном договоре рассматривается некоторыми авторами в тесной связи с эпизодом, связанным с утечкой информации с секретного совещания в Ново-Огареве М. Горбачёва, Б. Ельцина и Н. Назарбаева [12, с. 274]. Позже председатель КГБ СССР В. Крючков представил на совещании будущих членов ГКЧП запись, на которой М. Горбачёв вел разговор с лидерами республик о кадровых отставках многих членов советского руководства [12, с. 274, 14, с. 587–589]. Этот эпизод, по мнению ряда авторских коллективов, повлиял на складывание консервативного блока, выступившего против проводимых реформ и Президента СССР.

В ряде изданий рассматривают «предысторию» событий августа 1991 года, как закономерный итог краха самой «идеи перестройки» [13, с. 299; 14, с. 587]. При этом крах «перестройки», или «революции сверху» понимается авторскими коллективами как определённая подготовка к Августовскому путчу. В данной конструкции также присутствует сюжет с подписанием нового союзного договора, но определяется он как один из заключительных этапов подготовки к путчу. Ярким примером подобной иллюстрации является пособие В. П. Дмитриенко, В. Д. Есакова, В. А. Шестакова «История Отечества. XX век». В книге выделен определённый этап, названный «образом ГКЧП». В качестве таких событий, предвосхитивших будущий ГКЧП, приводятся ситуация середины января в Литве, когда совет общественного спасения Литвы попытался отстранить от власти силой оружия правительство Народного фронта [14, с. 588–589]. Причастность к событиям и непосредственную вину авторы возлагают на будущих членов ГКЧП — министра обороны СССР Д. Язова, председателя КГБ В. Крючкова и министра МВД Б. Пуго. Следующей «репетицией»

будущего выступления консерваторов стало заявление 45 первых секретарей обкомов в апреле 1991 года с требованием отставки М. С. Горбачёва с поста Генерального секретаря [14, с. 589]. В подобных условиях в учебной литературе приходят к выводу, что августовские события были фактически неизбежными, как более решительный и радикальный шаг консервативной части руководства СССР.

Осмысление авторами учебных пособий событий августа 1991 года в рамках подобной картины представлений, обычно продолжается описанием действий сторон. При этом закладывается определенная система координат — организаторами «путча, заговора, переворота» выступают упоминаемые выше консервативные силы. «В отсутствие Президента СССР был учрежден ГКЧП. В него вошли вице-президент СССР Г. И. Янаев, министр внутренних дел Б. К. Пуго, министр обороны Д. Т. Язов, председатель КГБ В. А. Крючков» [15, с. 467]. Такого рода «традиционные» представления присутствуют практически в каждом пособии. Устойчивым ярлыком для членов ГКЧП стало обозначение их в качестве консервативных сил [16]. В более редких случаях авторы учебных пособий именуют членов ГКЧП «заговорщиками» или прибегают к еще более упрощенной модели — «путчисты» [14] или «гэкачеписты» [10]. Группой, противостоящей «консерваторам», стали «демократические силы, Правительство РФ» во главе с президентом Б. Н. Ельциным. Согласно наиболее распространенной версии, именно первый президент и его ближайшее окружение был первой целью «путчистов», но, «не успев произвести их арест, заговорщики ввели войска в Москву» [12].

Первое, с чего обычно начинается описание событий августа 1991 года, это детальный анализ состава ГКЧП, при этом основной акцент делается на высшем руководстве Советского Союза. Подобные акценты объясняются существующей общенаучной парадигмой того времени, когда вся политическая элита эпохи перестройки была представлена в рамках дихотомии консерваторы и реформаторы (радикалы). В логику построения общей конструкции естественно вклинивается «общенаучный» исторический метод, по которому было принято рассматривать окружение Горбачёва, сформировавшееся вокруг него в начале 1991 года, как типичных представителей консервативного направления.

Это во многом стало логичным объяснением, для чего многие учебные пособия ставят в основании конструкции событий августа 1991 года выступление консервативной части руководства СССР. Дополнением этой конструкции обычно является формулировка главной цели или задачи «переворота ГКЧП» — «восстановление в СССР порядков, которые существовали до 1985 года» [17, с. 409]. При этом в изданиях по-разному раскрывается смысл утверждения «возвращения к старым порядкам». В некоторых изданиях ограничиваются перечислением предпринятых мер, указывание на обнаружении указов в которых, по их мнению, ставился вопрос о контроле над СМИ и о запрете митингов и демонстраций [15, с. 467] [18]. Другая часть авторов идет дальше, создавая более «весомую» конструкцию, в которой находится место и уже перечисленным действиям ГКЧП, и новым мерам, которые призваны «уничтожить ростки демократии»: «ликвидировать многопартийность<...>, разогнать парламент» [17, с. 409; 11, с. 111–114], «реставрировать тоталитарную

систему» [19, с. 97]. Более нейтрально, в то же время с определенной критической риторикой к актам ГКЧП, относятся авторы учебного пособия «История Отечества: учебник для 11-го класса средней школы». В своей книге они говорят о документах ГКЧП, в которых предусматривалась «поддержка частной собственности, 0,15 га земли на каждую семью, снижение цен, повышение заработной платы и обеспечение жильем» [12, с. 274]. При этом авторы сразу оговаривают, что «миллионы людей слышали такие обещания десятилетиями...» Однако весь стиль и действия их (членов ГКЧП. — **Прим. авт.**) выдавали высокопоставленных партийных аппаратчиков» [12, с. 274–275].

Еще более подробно на страницах учебных изданий рассматриваются действия основного соперника «консерваторов», руководства РСФСР. В общей конструкции событий августа 1991 года все российское руководство персонафицируется авторами учебных пособий в лице Президента РСФСР Б. Н. Ельцина. При этом в изданиях особо подчеркивают, что Ельцин был избран на пост Президента РСФСР всенародным голосованием [15, с. 487].

Образ Ельцина в данном случае дополняется еще рядом важных элементов. Организация «народного сопротивления» в дни путча всецело принадлежит Б. Н. Ельцину. Никто из авторов в этот период не высказывает и толики сомнения в этом факте. Персонафикация этих событий в лице Президента России при этом получает положительную нагрузку и в виде тесного взаимодействия с населением страны, Вооруженными силами, международным сообществом, активно поддержавших меры принятые руководством России. «Белый дом», где располагается Президент России, становится центральным местом всей картины событий августа 1991 года. «Уже 20 августа вокруг «Белого дома» выросли баррикады, на которых находились несколько десятков тысяч человек, а часть воинских подразделений перешла на сторону обороняющихся» [17, с. 409]. Б. Н. Ельцин с этого момента начинает рассматриваться как главный идейный вдохновитель на всем постсоветском пространстве.

Подобные акценты были необходимы для «адаптации образа» Президента России как человека, олицетворяющего в сознании населения демократическое развитие страны, «независимость России». При этом эмоциональное состояние общества, близкое к эйфории, испытывающее «потребность» в новых ориентирах, трансформировало политический миф в угоду безграничного доверия курсу Президента России.

Еще один вопрос, который затрагивается практически всеми авторскими коллективами, является изоляция первого Президента СССР в Форосе. Уже на первом этапе формирования представлений мы видим разночтения среди авторов. Для одних вопрос об изоляции представляется реальным фактом, где М. С. Горбачёва «заточили» в его резиденции в Форосе [14, с. 588]. Другие, напротив, говорят, скорее, о «самоизоляции», упрекая главного реформатора СССР в очередной политической «игре». Обычно авторами первой группы упоминается факт о «мифической болезни» М. С. Горбачёва, которую якобы «нашли» у него члены ГКЧП [15, с. 467]. Позже вопрос об изоляции Президента СССР в дни августовских событий крайне редко поднимался на страницах учебных пособий и практически вышел из учебного дискурса. В данном случае можно предположить, что конструкция с заточением

и болезнью первого президента СССР, которая изложена в изданиях, зависела в большей степени от отношения авторов к личности самого Горбачёва и уходящей в прошлое эпохи перестройки.

Завершением событий августа 1991 года, по мнению большинства авторов, стал арест членов ГКЧП [15, с. 467; 12, с. 274]. Лишение свободы «путчистов» выступает как логический конец попытки «переворота». Этот эпизод становится отправной точкой анализа причин неудачи ГКЧП. Среди основных условий, не позволивших состояться «перевороту», чаще всего выделяется «неспособность организаторов реалистично оценивать ситуацию и психологическую неготовность идти до конца», плохая организация и нерешительность членов ГКЧП, а также отсутствие поддержки среди населения страны, силовых структур и международного сообщества [17, с. 409–411; 15, с. 467]. Выделение перечня причин призвано, на наш взгляд, показать не только природу неудавшегося «переворота», но и содействовать формированию положительного образа реформистского пути России. Причины «провала переворота», рассматриваемые авторами учебных пособий, имеют устойчивую связь с попыткой переложить ответственность за распад страны на консервативную часть руководства СССР.

Наибольшее внимание в конструкции Августовский путч уделено именно последствиям этих событий. Последующие события, вплоть до официального прекращения существования СССР, авторы уже рассматривают с позиции действий руководства России. Б. Н. Ельцин занимает центральное место практически во всех сюжетах, посвящённых последним месяцам существования Союза. Если говорить о непосредственных «завоеваниях» августовских дней, то, на наш взгляд, уместно выделить две группы точек зрения. Первая, в качестве последствий, делает акцент на становлении гражданского общества, установление власти «блока либеральной бюрократии» [20], ускорение революционных процессов [17]. Вторая группа авторов, более многочисленная, рассматривает среди последствий августовских событий «отказ от подписания Союзного договора», «крах КПСС» и «усиление позиции России» [21].

Еще одной особенностью этого периода является обращение авторов к эмоциональной стороне и моментам, «передающим дух» этих дней. Эмоциональный фон в данном случае выступает в качестве важного фактора, усиливающего восприятие событий августа 1991 года. «Эйфория», связанная с Августовским путчем, породила серьезную общественно-политическую дискуссию. Многие авторы, даже при попытке объективно рассмотреть исследуемую тематику, часто сами попадают в ловушку сформированной системы взглядов. Эмоциональный заряд от принятия элементов этой дискуссии, безусловно, повышался, часто приводя к хаотичному формированию содержания общей конструкции событий августа 1991 года. Среди элементов, несущих в себе этот заряд, и на которых заостряют внимание авторские коллективы, стоит выделить цитирование различных политических лидеров о приближающемся выступлении консерваторов [18], [11]. Наиболее популярным здесь является выступление Э. Шеварднадзе, в котором он говорил о «приближающейся диктатуре». В учебной литературе делается вывод о том, что «страна жила под знаком ожидания серьезных событий» [11, с. 112]. Еще одним эпизодом, который поднимается

на страницах изданий, является гибель трех молодых людей. Многие авторы не решились выносить этот факт на страницы своих изданий, но, тем не менее, ряд пособий содержит упоминание о трех молодых людях, получивших посмертно звание Героя СССР [11, с. 112]. Более распространенным эмоциональным приемом являются примеры, где авторы характеризуют личные качества участников тех событий. Наиболее ярко подобная «характеристика» представлена в одном из первых отечественных изданий по истории В. Я. Хуторского. Автор говорит о «воспитании» путчиков: «делавших карьеру в брежневскую эпоху — эпоху полной безответственности, и не привыкших заботиться о последствиях решений или контролировать их исполнение» [21].

В целом, говоря об изданиях, вышедших в период активного использования данной тематики в качестве одного из элементов политического мифа, стоит отметить характерные черты представлений о событиях августа 1991 года. Во-первых, большинство представлений, бытовавших в общественно-политической среде, перешли на страницы учебных пособий. Во-вторых, большинство авторов характеризует события как переворот, а членов ГКЧП — как заговорщиков. В-третьих, представления о событиях августа 1991 года персонафицируются с первым Президентом России Б. Н. Ельциным и его ближайшим на тот период окружением. В-четвертых, практически все издания отмечают значимость поддержки международного сообщества в подавлении «заговора или переворота». И, в-пятых, авторские коллективы придают огромное значение, зачастую решающую роль, августовским событиям в процессе распада СССР.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что сложность и противоречивость оценки событий августа 1991 года, возникшая в общественно-политической среде, со временем отразилась в полном объеме в учебных изданиях. Авторы в полной мере отразили в учебных пособиях не только личные, но и присущие обществу социальные идеологемы. В данном случае учебник становится важным «индикатором» идей и мифов, бытовавших в общественной среде.

Со временем академическое сообщество «адаптировалось» к тем условиям, в которое попало после распада СССР, сумев «пересмотреть» многие политико-ориентированные тематики. Решение проблемы оценки событий августа 1991 года постепенно переходит в русло научно-исследовательской практики. Вместе с тем и «августовский путч» перестал быть «идеями», формирующей демократическую идеологию современного российского государства. Научные принципы анализа конструкции трех дней августа 1991 года позволяют в новом свете пересмотреть исследуемую проблематику. Общую структуру и содержание событий в конце XX столетия стали определять теоретико-методологические установки авторов и их позиция относительно процесса распада или развала СССР.

Библиографический список

1. Фукс, А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. — 1930-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / А. Н. Фукс. — М., 2011. — 41 с.

2. Путьгина, Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодёжи в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Т. П. Путьгина. — М., 2007. — 34 с.

3. Чураков, Д. О. Учебники по истории XX века: вчера, сегодня... завтра? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/history/39082.php> (дата обращения: 12.11.2013).

4. Аникеев А. А., Шагин Э. М., Ушмаева К. А. Учебники по истории: методологии и концепция [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.school.edu.ru/news.asp?ob_no=15624 (дата обращения: 12.11.2013).

5. Геллер, М. История России 1917—1995 / М. Геллер, А. Некрич. Глазами историка. В 4 т. Т. 4 : Россия на распутье 1990—1995. — М. : МИК, 1996. — 262 с.

6. Боффа, Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994 / Дж. Боффа. — М., 1994. — 304 с.

7. Геллер, М. История России 1917—1995 / М. Геллер, А. Некрич. — М., 1996. — 319 с.

8. Верт, Н. История Советского государства 1900—1991 / Н. Верт. — М., 1992. — 480 с.

9. Хоскинг, Дж. История Советского Союза 1917—1991 г. : пер. с англ. / Дж. Хоскинг. — М. : Вагриус, 1994. — 496 с.

10. Россия и мир : Учебная книга по истории. В 2-х ч. / Под общ. ред. проф. А. А. Данилова. — М. : ВЛАДОС, 1994. — Ч. 2. — 396 с.

11. История современной России. 1985—1994 : эксперимент. учеб. пособие / Под общ. ред. Журавлева В. В. — М., 1995. — 254 с.

12. История Отечества. Учебник для 11 класса средней школы / В. П. Островский [и др.]. — М. : Просвещение, 1992. — 287 с.

13. Кредер, А. А. Новейшая история. XX век / А. А. Кредер. — М. : ЦГО, 1995. — 388 с.

14. Дмитриенко, В. П. История Отечества. XX век / В. П. Дмитриенко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков. — М., 1995. — 640 с.

15. Моряков, В. И. История России. Пособие для старшекл. и абитуриентов / В. И. Моряков, В. А. Федоров, Ю. А. Щетинов. — М., 1996. — 496 с.

16. Борисов, Н. С. Ключ к истории Отечества: Пособие для абитуриентов / Н. С. Борисов, А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993 — 192 с.

17. Зувев, М. Н. История России с древности до наших дней. Пособие для поступающих в вузы / Под ред. Зуева М. Н. — М., 1994. — 434 с.

18. Личман Б. В. История России с древнейших времен до наших дней. — М., 1995 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://krotov.info/history/solovyov/lichman4.html> (дата обращения: 12.11.2013).

19. История России. Вторая половина XIX — XX вв. : курс лекций / Под ред. Б. В. Леванова : в 2 ч. — Брянск. 1992. — Ч. 2. — 221 с.

20. Долуцкий, И. И. Отечественная история XX век. Учебник для 10 классов средней школы : в 2 ч. / И. И. Долуцкий. — М., 1995. — Ч. 2. — 320 с.

21. Хуторской, В. Я. История России. Советская эпоха (1917—1993) / В. Я. Хуторской. — М. : ФАЗИС, 1995. — 196 с.

ХУДОРОЖКОВ Иван Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: i.hudorozhkov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2014 г.

© И. В. Худорожков

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВОИНОВ-СИБИРЯКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются основные социально-психологические характеристики, присущие сибирским воинам начиная с казачьего атамана Ермака. Определяются истоки «сибирского характера». Дальнейшее формирование специфических черт сибиряков рассматривается через призму их героического прошлого и активного участия сибирских воинских формирований в Первой мировой и Великой Отечественной войнах.

Ключевые слова: воин-сибиряк, социально-психологический тип, сибирский характер, Великая Отечественная война.

Воинская слава сибиряков является сегодня общепризнанным историческим и социальным феноменом. Ему посвящены десятки тысяч страниц исторической, военно-мемуарной и художественной литературы, периодической печати. Немало свидетельств можно найти и в архивах, военно-исторических и краеведческих музеях, комнатах боевой славы при различных учебных заведениях. На наш взгляд, в исследованиях этого явления традиционно преобладают социально-политические подходы и объяснения и почти отсутствует анализ природных, личностных и ментальных факторов, оказавших существенное влияние на формирование особого характера воина-сибиряка [1]. Выдающиеся боевые качества сибиряков всегда высоко ценились полководцами. В чем секрет особенной воинской доблести, признанных во всем мире храбрости, мужества, ратного мастерства сибирского солдата? В суровых климатических условиях Сибири формировался твердый характер, который по праву называли «сибирским». Как отмечал известный сибирский историк П. А. Слобцов, «сибирский характер — есть наследство, доставшееся от первых пришельцев с винтовкой, наследство, которое делили все, от промышленника до поселянина, от казака до воеводы» [2].

С внедрением императором Петром I рекрутских наборов регулярная армия России начала пополняться новобранцами из Сибири. Уже в Полтавской битве участвовало два сибирских полка, прославившихся стойкостью и мужеством [3]. Обычно историки начало формирования характера сибиряка-воина относят к периоду Отечественной войны 1812 г. [4]. Крепкие здоровьем, физически развитые, высокорослые, сибиряки стали основой для формирования Иркутского и Сибирского полков. Вместе с передовыми частями Русской армии они в 1814 г. вошли в Париж. Среди солдат русской пехоты явственно выделялись сибиряки. «Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норвит бабахать

почаще, себя подбодряя, а куда бабахает — и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко... Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф» [5].

Даже в неудачной для России войне 1904 — 1905 гг. сибиряки не уронили славу русского оружия. Так, например, генерал А. А. Игнатьев в своих мемуарах с гордостью пишет о солдатах, которые дрались с «присущим сибирякам упорством» [6]. Историками подсчитано, что во время русско-японской войны почти 30 сибирских полков были награждены георгиевскими знаменами, 15 сибирских дивизий стали гвардейскими в годы Великой Отечественной войны. Следовательно, можно говорить об определенном социально-психологическом типе сибиряка, качества которого близки к модели настоящего воина и служивого человека.

В период 1941 — 1945 гг. национальные традиции исторического прошлого объединили все слои общества Советского Союза на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Вся страна в едином патриотическом порыве встала на защиту своей независимости. Глубокая преданность советских людей своей Родине, единство всех народов, её населявших, перед лицом смертельной опасности, стали важнейшими источниками их победы в Великой Отечественной войне. Вместе с русскими сражались все сибирские народы: алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы, якуты и др. Размышляя о величии победы, Г. К. Жуков писал: «Обо что же столкнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории нашей страны? Что же, прежде всего, помешало им продвигаться вперед привычными темпами? Можно твердо сказать — главным образом, массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа» [7].

Все эти характеристики в полной мере относятся к воинам-сибирякам, которые уже в первые дни войны вместе с другими воинами Красной Армии приняли на себя удар врага и насмерть стояли на рубежах СССР. В истории Великой Отечественной

войны они занимают особое место, поскольку прославились далеко за пределами своей малой Родины героизмом и патриотизмом, мужеством и стойкостью, выносливостью и упорством, высокой боевой выучкой, преданностью Отечеству и воинскому долгу. Сибирские воинские соединения и части сражались на всех участках громадного советско-германского фронта, принимали участие в боевых действиях практически на всех фронтах и во всех сражениях Великой Отечественной войны: в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, в боях на Курской дуге, в освобождении Украины, Белоруссии, Прибалтики, избавлении от фашизма народов Восточной Европы, взятии Берлина, в разгроме Квантунской армии милитаристской Японии. Сотни тысяч сибиряков за боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями. Сибирь дала Родине около 1500 Героев Советского Союза, 114 сибиряков стали Героями дважды, трижды Героем Советского Союза стал новосибирец А. И. Покрышкин, среди воинов-сибиряков более 200 кавалеров орденов Славы всех 3-х степеней [8].

Истоки сибирского характера нужно искать в начальном периоде освоения Сибири, с походов легендарного атамана Ермака, с проникновением за Урал наиболее активных, предприимчивых, склонных к авантюризму мужественных, стойких и бесстрашных личностей. Одним из значимых источников формирования этих качеств выступает, прежде всего, природно-климатический фактор, влияние которого на жизнедеятельность человека признается еще со времен французского Просвещения. Важную роль в истории Сибири сыграло казачество, которое, по меткому замечанию А. И. Солженицына, являлось «исторической драгоценностью России». В тюркских языках слово «казак» переводится как «вольный человек». Но сибирские казаки, по словам историка Г. Е. Катанаева, отличались от других тем, что никогда не были «вольными», а всегда исключительно «служилыми» [9]. Формирование сибирского казачества относится к 1580-м гг. и неразрывно связано с именем Ермака. В общественном сознании россиян казаки были окружены ореолом идеального устройства мира, служили своеобразным эталоном, образцом воинского рыцарства, а также — высоко оценивались русскими критиками и писателями. Для сибирских казаков характерными чертами всегда являлись смелость, воля, патриотизм, сила, храбрость, мужественность, удаля, смекалка.

Все эти черты успешно демонстрировали потомки сибирских казаков и военнослужащие Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны. Когда со скоростью курьерских поездов воинские эшелоны из Сибири мчались к Москве, очевидцы вспоминают, что из открытых дверей теплушек звучали неторопливо песни о Ермаке, доносились заливчатские частушки:

Наша вера в день Победы
И светла и горяча.
Кто придет с мечом в Россию,
Тот погибнет от меча.

Из вагонов на жесткий мороз сибиряки степенно выходили в распахнутых ватниках, в гимнастерках с раскрытыми воротами, деловито умывались на ледяном ветру. Сибиряки показали себя на фронте мужественными, отважными, стойкими воинами, высший закон для которых — защита Родины. Сила сибиряков — в строжайшей воинской дисциплине и организованности.

Писатель П. Павленко отмечал: «Напорист и азартен в бою сибиряк, в бою нет злее, упорнее и веселее его. Любит взять он, что не дается сразу, хорош на тяжелое дело» [10]. С ним соглашался маршал К. К. Рокоссовский: «среди наших прекрасных солдат сибиряки отличались преданностью, силой духа, особой стойкостью и мужеством. Трудно даже сказать, насколько своевременно влились сибиряки в ряды наших войск. Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова. Сибиряки шли на врага во весь рост. Противник был смят, опрокинут, отброшен» [11]. Таким образом, социально-психологический тип личности воина-сибиряка может быть охарактеризован духовной трезвостью, настраивающей на аскетизм. Прямота и упрямство не исключают изобретательности и даже лукавства, того, что называется «быть себе на уме». Не случайно в сибирском говоре слово «хитрый» не несет в себе отрицательного смысла, а является синонимом слова «умный».

Американские психологи пришли к выводу, что для военных характерен психологический тип, который, в соответствии с терминологией, принятой в соционике, можно обозначить как логико-сенсорный интроверт [12]. Исследования ленинградских ученых Б. В. Овчинникова, К. В. Павлова, И. М. Владимировой показали, что 85 % из числа курсантов-десантников относятся к сенсорным рационалам, который включает и определенный американскими исследователями психологический тип [13]. Исследования новосибирского ученого А. И. Пальцева, проведенные среди офицеров-сибиряков различных родов войск, подтвердили принадлежность 75 % респондентов к сенсорным рационалам [14]. Люди этого типа обладают высоко развитым чувством ответственности: они склонны поддерживать иерархические отношения в системе, где им приходится работать. Им хорошо понятны механизмы взаимоотношений «начальник — подчиненный», причем они могут одинаково успешно действовать в обеих ролях. Они приверженцы системы, для которой является важным сохранение традиций и обычаев, поддерживающих связь времен и поколений.

Чувство долга является их основным и специфическим качеством. Сенсорные рационалы консервативны (в психологическом смысле слова), их деятельность направлена на сбережение. Исследования системы ценностных ориентаций, проведенное А. И. Пальцевым в 1994 — 1995 гг. среди курсантов Новосибирского высшего общевойскового командного училища показали, что первые 6 мест (из 18) терминальных ценностей (ценности-цели) заняли: здоровье, друзья, любовь, жизненная мудрость, свобода, развитие. Среди инструментальных ценностей (ценности-средства) первые 6 мест пришлось на ответственность, твердую волю, образованность, воспитанность, независимость и честность. Это позволяет репрезентировать социально-психологический тип офицера-сибиряка исходя из характеристик как сегодняшнего дня, так и предшествующего времени.

В годы Великой Отечественной войны все знали: сибиряк — это боец беспримерной стойкости и воли, находчивости и предприимчивости, он никогда не знает страха в бою, верен своему солдатскому долгу. Писатель Василий Гроссман, говоря о массовом героизме воинов 308-й Гуртьевской дивизии, писал: «Героизм стал массовым, героизм стал

стилем дивизии и ее людей, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем» [15]. Высокую оценку боевым действиям сибиряков дал в своих военных мемуарах и Маршал Советского Союза В. И. Чуйков: «В самые тяжелые бои в Заводском районе Сталинграда Гуртьевская дивизия сражалась на главном направлении удара фашистских войск и отразила не менее 100 атак озверелых захватчиков. Командиры и бойцы показали образцы мужества и отваги. Ни шагу назад! Этот приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина сибиряки выполнили с честью» [16].

На всех фронтах Великой Отечественной войны сибиряки ковали себе славу непобедимых воинов. Вот как писал о них Маршал К. К. Рокоссовский: «Надо прямо сказать, что в последних завершающих боях наши воины проявили чудеса. Подвиг стал нормой поведения. Героями становились миллионы. Солдаты стояли насмерть, грудью бросались на амбразуры вражеских дотов, летчики и танкисты не задумываясь шли на таран. Героями были все — и те, кто устремлялся в атаку сквозь стену огня, и кто под снарядами строил мосты. Слава вам, чудесные советские люди!» [17]. Широкою известность получило высказывание Маршала Р. Я. Малиновского: «Уважение и глубокая всеобщая любовь к уральцам и сибирякам установилась потому, что лучших воинов, чем Уралец и Сибиряк, бесспорно, мало в мире. Поэтому невольно рука пишет эти слова с большой буквы». Ему вторит Маршал Советского Союза К. А. Мерецков: «Сибиряки никогда никого не подведут. Они знают, за что борются и умеют бороться» [18].

Известно, что многие жители Сибири являлись искусными и меткими охотниками, которые «били белку и другого пушного зверя в глаз» (чтобы не попортить шкурку). С началом Великой Отечественной войны в формировавшихся на территории Сибири воинских соединениях и частях широко развернулось обучение снайперскому искусству. Так, например, в 232-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Бийске Алтайского края, с января по апрель 1942 г. было подготовлено более 370 снайперов. В конце июня соединения вступило в тяжелые бои с фашистами под Воронежем. По свидетельству подполковника Ф. З. Пронина, только два снайпера, Климов и Соколов, уничтожили более 350 незваных гостей [19]. Среди сибирских снайперов было немало женщин. Так, например, 8 июня 1942 г. на курсы снайперов в Москву были направлены 20, в июне 1942 г. — еще 20, в марте 1944 г. — еще 40 девушек-омичек [20]. По числу направленных на обучение в снайперские школы и курсы женщин из всех военных округов на 1 декабря 1942 г. Сибирский военный округ уступал только Московскому военному округу, а из 500 человек, зачисленных на женские курсы, отличных стрелков снайперской подготовки 100 человек составляли сибирячки [21]. Вот что вспоминают об учебных снайперских буднях: «Все время от подъема до отбоя было написано по минутам. Занимались по 10—12 часов. Из них 8—10 на местности. А зима 1942 года выдалась суровая. Холода стояли лютые. Часами учились ползать по-пластунски, быстро и искусно окапываться и маскироваться, стрелять по движущимся мишеням. Вечером чуть живые добирались до казармы, падали на нары и начинали роптать на своих командиров: «Мы уже и так все знаем, а нас вновь и вновь по десятку раз заставляют повторять одно и то же». И только на фронте поняли, что командиры старались

закалить нас, создать тройной запас выносливости, чтобы в боевой обстановке хватило сил для выполнения задачи» [22].

Отдельно следует отметить роль сибирских воинских формирований под Москвой. До 20 сибирских дивизий и бригад участвовали в Московской битве. Вот как пишет об этом Кавад Раш: «Может, никто так не прославил на Западе сибиряков, как Геббельс своими проклятиями. Нацистский «Мефистофель» мобилизовал все свои недюжинные дарования интеллектуала и оратора, чтобы объяснить ошеломленным немцам тайну выросших, как из-под земли, богатырских полков из неведомой Сибири, когда весь третий рейх ликовал после потрясающих побед над красными... всю вину за катастрофу под Москвой [он] обрушил на рослых, спокойных воинов, чьи валенки, белые полушубки и ушанки укрупняли их, делали еще более внушительными... и он, казалось, даже подпал под очарование этой грозной силы, пришедшей из таинственных глубин снежной Сибири, людей, не чувствующих стужи, не ведающих страха. Быть может, он помнил, как национальный пророк Освальд Шпенглер в «Закате Европы», печально обозревая деградирующую Европу мещан с их хрюканьем перед деньгами, возложил последние надежды на людей «русско-сибирского культурно-исторического типа». Шпенглер не предполагал, разумеется, что «русско-сибирский тип» сыграет решающую роль в судьбе Германии уже в середине XX века» [23].

Своеобразие выраженности ментальных характеристик сибиряков, по мнению А. И. Пальцева, заключается в доминировании таких черт «сибирского характера», как свободолюбие, настойчивость в выполнении поставленных задач, практицизм, мужественность, смелость, спонтанность, общительность, оптимизм, хорошая ориентировка в обстановке, внушаемость, ровное настроение без склонности к повышенной чувствительности, сотрудничество, необидчивость, упорство, рассудочность, любовь к природе, честность, консерватизм, аккуратность, отсутствие поспешности в действии, но без следов вялости, принципиальность, скромность, осторожность, избирательность, выносливость, толерантность во взаимоотношениях с представителями других этнических общностей, трудолюбие [24].

Интересно, что подобные характеристики сибиряков обнаруживаются и в исследованиях современных историков, социологов, этнологов [25]. Из списка личностных черт более половины респондентов выделяют следующие, присущие, на их взгляд, «сибирскому характеру»: выносливость — 93 %, упорство — 81 %, честность — 74 %, благожелательность — 73 %, искренность — 66 %, прямота — 64 %, расовая непредубежденность — 60 %, демократизм — 58 %, коллективизм — 51 % [26]. По мнению курсантов Омского автобронетанкового инженерного института, опрошенных весной 2014 г., воинам-сибирякам присущи следующие основные черты: мужество, смелость, сила воли, отвага, стойкость, патриотизм и служение Родине, выдержка, способность к самопожертвованию, храбрость, выносливость, дисциплинированность, непоколебимость, дружелюбие. По свидетельству сибиряков, воевавших в Чечне, их воинские соединения проявляли особое мужество и героизм, за что полевые командиры и Д. Дудаев объявили им кровную месть.

Постоянно действующими факторами (лежащими в основе формирования менталитета сибиряков) остаются: геополитическое положение Сибири;

своеобразие ее природно-климатических условий; уникальная практика освоения Сибири представителями различных народов, религий, культур; героическое прошлое сибирского казачества и исторический опыт военных действий; использование сибиряков для формирования элитных частей Вооруженных сил; характер формирования культурного пространства сибирской интеллигенцией. Ретроспективный анализ социогенеза воинов-сибиряков позволяет констатировать, что в качестве диспозиционных установок, определяющих их ценностные ориентации, могут быть выделены такие как патриотизм, стойкость, физическая и духовная сила, свободолюбие, практицизм, героизм и верность воинскому долгу.

Библиографический список

1. Жигун, А. М. Сибирский характер и воинский долг [Текст] / А. М. Жигун, Н. Т. Фатеев // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне : Материалы Всерос. науч. конф. — Омск : Омский филиал ОИИФФ СО РАН, 1995. — С. 52. — ISBN 5-8268-0402-5.
2. Слоцов, П. А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди [Текст] / П. А. Слоцов / Вступ. ст., сост., подготовка текста В. А. Крещика. — 3-е изд. — Новосибирск : Вен-Мер, 1995. — С. 76. — ISBN 5-98806-26-0.
3. Колесников, А. Д. Мужество и героизм в традиции сибиряков [Текст] / А. Д. Колесников // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 190-летию Омского кадетского корпуса. — Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. — С. 84—90. — ISBN 5-98236-004-X.
4. Смирнов, А. Сибирский удар и саксонская сталь: Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте [Текст] / А. Смирнов // Родина: Российский исторический журнал. — 2004. — № 9. — С. 17—23. — ISSN 0235-7089.
5. Туркул, А. Дроздовцы в огне. Картины Гражданской войны 1918—1920 гг. [Текст] / А. Туркул / В лит. обраб. И. Лукаша // Я ставлю крест... — М. : Воениздат, 1995. — С. 7. — ISBN 5-89503-232-X.
6. Боевые традиции сибиряков [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.krym.sibiriaki.cjv.ua> (дата обращения: 03.05.2014).
7. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. [Текст] / Г. К. Жуков. — М. : Агентство печати Новости, 1985. — Т. 2. — С. 50—51. — ISBN 5-224-03195-8.
8. Сибирский военный округ в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. [Текст]: Доклад Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Новосибирской области. Отдел по защите государственной тайны и мобилизационной подготовки. — Новосибирск, 2013. — 33 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.to54.rosreestr.ru/upload/to54/files (дата обращения: 21.04.2014).
9. Катанаев, Г. Е. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год [Текст] / Г. Е. Катанаев // Переиздание 1908 г. СПб. Издатель В. Березовский. — Костанай : Костанайполиграфия. — С. 1. — ISBN 978-601-7109-26-4.
10. Красная звезда : общественно-политическая газета. Центральный печатный орган Министерства обороны СССР. — 1943. — 12 июля.
11. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг [Текст] / К. К. Рокоссовский. — М. : Воениздат, 1997. — С. 124. — (Полководцы Великой Отечественной). — ISBN — 5-203-00489-7.
12. Крегер, О. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим [Текст] / О. Крегер, Дж. М. Тьюсон : пер. с англ. — М. : Персей; Вече; АСТ, 1995. — 544 с. — ISBN 5-88421-023-X.
13. Овчинников, Б. В., Павлов, К. В., Владимиров, И. М. Ваш психологический тип [Текст] / Б. В. Овчинников, К. В. Павлов, И. М. Владимиров. — СПб. : Андреев и сыновья, 1995. — 236 с. — ISBN 5-87452-065-1.
14. Пальцев, А. И. Социально-психологический тип офицера-сибиряка [Текст] / А. И. Пальцев // Катанаевские чтения-98: Материалы докладов II Всерос. науч.-практ. конф. — Омск : ОмГПУ, 1998. — С. 113—115. — ISBN 5-8268-0286-3.
15. Правда : общеполитическая газета ЦК КПСС. — 1942. — 19 мая.
16. Чуйков, В. И. От Сталинграда до Берлина [Текст] / В. И. Чуйков. — М. : Советская Россия, 1985. — С. 154. — ISBN 5-203-00489-7.
17. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг [Текст] / К. К. Рокоссовский. — М. : Воениздат, 1997. — С. 142, 289. — (Полководцы Великой Отечественной). — ISBN — 5-203-00489-7.
18. В пламени и славе. Очерки истории Сибирского военного округа [Текст]: 50-летию Сибирского военного округа посвящается / А. Н. Баталов, В. С. Возовиков, Н. М. Воронин, А. И. Горбачев, С. Е. Дашков, В. Я. Карлин, А. Ф. Мищенко, Н. А. Пологрудов, Г. П. Сокуров, А. П. Сопов, Н. В. Тряпичников. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — С. 330.
19. Пронин, Ф. На Воронежской земле [Текст] / Ф. Пронин // На всю оставшуюся жизнь... Воспоминания воинов-бейчан, ветеранов тыла / Сост. В. Каплина, В. Брюхов. — Бийск : НИЦ БигПИ, 1994. — 302 с. — ISBN 5-8268-0463-7.
20. Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 16. Л. 95 ; Ф. 4. Оп. 11. Д. 7. Л. 142 ; Ф. 4. Оп. 11. Д. 144. Л. 16, 18.
21. Ростов, Н. Д. Подготовка снайперов для фронта в Сибирском военном округе [Текст] / Н. Д. Ростов // Военно-исторический журнал: Издание М-ва обороны Российской Федерации. — 2008. — № 10. — С. 48.
22. Женщины на защите Отечества в 1941—1945 гг. Воспоминания женщин-фронтовичек [Текст]. — М. : Акаис, 1995. — С. 11. — ISBN 5-296-00022-6.
23. Кавад, Раш. Ни шагу назад, сибиряки! [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/2002-05-0651> (дата обращения: 02.02.2014).
24. Пальцев, А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтнуса сибиряков) [Текст] / А. И. Пальцев. — Новосибирск : Сибирское таможенное управление, 2001. — С. 123—124. — ISBN 5-8036-0069-5.
25. Жигунова, М. А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? [Текст] / М. А. Жигунова // Родина: Российский исторический журнал. — 2011. — № 11. — С. 11-15.
26. Сверкунова, Н. В. Феномен сибиряка [Текст] / Н. В. Сверкунова // Социологические исследования: ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН. — 1996. — № 8. — С. 92. — ISSN 132-1625.

ЧЕРМОШЕНЦЕВ Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета; преподаватель кафедры технического обеспечения (и тактики) филиала Военной академии материально-технического обеспечения (г. Омск). Адрес для переписки: DVCherm@mail.ru
ЖИГУНОВА Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), старший научный сотрудник сектора этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. Адрес для переписки: marizh.omsk@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2014 г.
 © Д. В. Чермошенцев, М. А. Жигунова